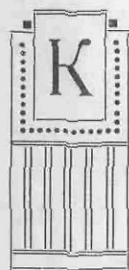

ГЛАВА Ш.

Ауль и кибитка.

Киргизы и туркмены живутъ въ аулахъ, — группы палатокъ соотвѣтственно семьямъ или родамъ, выстроенныя подь-рядъ прямой линіей или легкой открытой на югъ дугой. Пара палатокъ, поставленная главою семьи для себя и своего женатаго сына или семейныхъ работниковъ, называется уже ауломъ, точно такъ же, какъ если поселятся вмѣстѣ надолго или временно большее число различныхъ хозяйствъ. Палатки носятъ въ разныхъ мѣстахъ — отсюда и въ литературѣ — различныя названія, ихъ обозначаютъ то юртами, то кибитками; на Мангышлакѣ въ ходу оба названія, но они примѣняются къ различнымъ понятіямъ: кибиткой называютъ палатку, юртой — мѣсто, на которомъ палатка стояла, т.-е. утрамбованное мѣсто, оставшееся пустымъ послѣ ухода аула; это странное сопоставленіе мнѣ не разъ приходилось провѣрять самымъ точнымъ образомъ. Происходитъ ли слово „кибитка“ отъ калмыцкаго кибить, что обозначаетъ „небольшую мелочную лавку“, какъ полагаетъ Палласъ, или оно киргизскаго происхожденія, — мнѣ трудно рѣшить.

Кибитка представляет деревянный остовъ, покрытый снаружи циновками и кошмами, и въ свою очередь состоитъ изъ трехъ частей: кругообразной стѣны (кереге*), кровельныхъ палокъ (уки или унины**) и дымового обруча (тангаракъ***). Стѣна составляется изъ шести, восьми или десяти рѣшетокъ, шириною въ пол-метра и высотой въ полтора метра; рѣшетки ставятся вертикально въ кругъ, одна возлѣ другой и связываются между собою веревками. Планки, изъ которыхъ состоитъ рѣшетка, перекрещиваются другъ съ другомъ и въ мѣстахъ перекрещиванія проверчены дыры; черезъ эти дыры протянуты ремни, связанные узлами для того, чтобы препятствовать ихъ соскальзыванію; эти ремни, играя роль шарнировъ, позволяютъ раздвигать и сдвигать рѣшетку, что даетъ возможность суживать или расширять самый кругъ стѣны****). На южной или юго-западной сторонѣ кереге — въ направленіи Мекки — къ кругу рѣшетокъ присоединяють дверную раму изъ двухъ плоскихъ боковыхъ косяковъ, пришнурованныхъ къ планкамъ рѣшетокъ, изъ поставленной ребромъ доски внизу — порога — и изъ верхней перекладины; всѣ эти части связаны другъ съ другомъ. Доски дверной рамы по большей части — а въ старину это дѣлалось всегда — покрыты съ внутренней стороны рѣзьбою.

Въ этой рамѣ движутся на двухъ деревянныхъ колышкахъ створки дверей, также покрытыя съ внутренней стороны, а иногда и съ внѣшней, раскрашенной рѣзьбой. Замокъ отсутствуетъ; двери при шаткой постройкѣ всей палатки защемляются и держатся сами собою, или же обѣ створки при-

*), **), ***) Перев.

****) Такое устройство рѣшетки особенно цѣлесообразно для перекочевокъ, такъ какъ сдвинутая рѣшетка занимаетъ мало мѣста и ее удобнѣе перевозить.

вязываются другъ къ другу шнуркомъ. Часто двери замѣняютъ войлочнымъ пологомъ, который привѣшивается къ верхнему косяку дверной рамы; на день онъ заворачивается на верхъ, а на ночь спускается. Чтобы сдѣлать пологъ тяжелѣе и дать ему нужную устойчивость, къ нему съ внутренней стороны прикрѣпляютъ иногда двѣ или три поперечныя планки, также покрытыя рѣзбою. Мѣстоположеніе двери указываетъ хозяину, желающему совершить въ кибиткѣ свою молитву, направленіе, въ которомъ онъ долженъ становиться на колѣни и падать ницъ. Мнѣ эти двери не разъ причинили неудобство, такъ какъ съ находящагося какъ разъ противъ нихъ почетнаго мѣста мнѣ приходилось всегда смотрѣть на дворъ, гдѣ въ часы главнаго дневного отдыха все было залито такимъ яркимъ ослѣпительнымъ полуденнымъ свѣтомъ, что горящіе отъ усталости глаза начинали испытывать острую боль.

Когда стѣны и дверной косякъ установлены и связаны, то, для большей устойчивости, кибитка на половинѣ высоты обвязывается толстой крѣпкой веревкой, а по верхнему краю рѣшетки протягивается широкая тканая полоса матеріи, повернутая своимъ пестрымъ узоромъ внутрь палатки, такъ что она видна изъ-за рѣшетки. Послѣ этого одна изъ женщинъ, на которыхъ обыкновенно лежитъ установка и разборка дома, рѣже какой либо услужливый мужъ или одинъ изъ работниковъ, становится на середину, беретъ раздвоенный наверху шестъ и поднимаетъ имъ кровельный куполь, — деревянный обручъ около полутора метровъ въ діаметрѣ, къ которому, образуя родъ купола, прикрѣплены двѣ или четыре перекрещивающіяся дугообразныя палки, и въ которомъ проверчены на одинаковомъ другъ отъ друга разстояніи отверстія. Остальныя женщины просовываютъ въ эти отверстія однимъ концомъ унины и связываютъ ихъ

Киргизскія дѣвушки.

Киргизы съ Бузачи.

Киргизскія женщины.

на другомъ концѣ съ планками стѣнной рѣшетки, при чемъ верхній конецъ остается прямымъ, нижній же согнуть внизъ подь тупымъ угломъ, благодаря чему отвѣсная стѣна постепенно переходитъ въ наклонъ кровли, такъ что образуется куполь. Лишь въ одномъ случаѣ я не видѣлъ дымового обруча, кибитка заканчивалась остроконечной кровлей (таб. 19). Наконецъ, остовъ крыши связывается съ рѣшеткой узкими ткаными полосами, переплетающими планки, — и весь остовъ киргизскаго дома готовъ. Тогда снаружи кибитки, вдоль стѣнъ, развертываютъ циновки изъ камыша, притягиваютъ ихъ крѣпко веревками и поверхъ покрываютъ большимъ или меньшимъ, смотря по надобности, количествомъ войлочныхъ покрывшекъ — кошемъ. Циновки изготовляются слѣдующимъ образомъ: каждый отдѣльный стебель камыша обвиваютъ прежде всего разноцвѣтною шерстью съ такимъ расчетомъ, чтобы вышелъ намѣченный узоръ циновки; затѣмъ первый стебель кладутъ поперекъ на пять — шесть шнурковъ, которые на обоихъ концахъ придерживаются небольшимъ камнемъ; перемѣщеніемъ этихъ концовъ образуютъ подь стеблемъ петлю; затѣмъ на первый стебель кладутъ въ томъ же направленіи второй, и шнурки снова перекладываются, такъ что задній конецъ становится переднимъ и наоборотъ, и продолжаютъ такимъ образомъ пока циновка не достигнетъ должной длины.

Крыша покрывается большими кошмами, къ одному изъ угловъ которыхъ пришиты тканья полосы. При помощи того же шеста, раздвоеннаго на концѣ, о которомъ я уже упоминалъ, сложенный войлокъ подымаютъ наверхъ, на остовъ кровли, развертываютъ тамъ и привязываютъ полосу къ верхнему краю стѣнной рѣшетки такъ, что ея узоръ видѣнъ извнутри палатки надъ уинами. Меньшаго размѣра войлокъ кладутъ въ серединѣ надъ отверстіемъ

дымового круга; это отверстіе служить въ одно и то же время для доступа воздуха и для выхода дыма, что легко регулируется, благодаря кошмѣ. Стѣнные циновки также покрываются сверху еще кошмами, которыя сдерживаются веревками и отъ которыхъ вверхъ черезъ куполь также протягиваются широкіе пояса. Войлокъ по большей части коричневый, только у очень богатыхъ людей большая, предназначенная для гостей, „почетная кибитка“ покрывается болѣе цѣнными бѣлыми кошмами.

Кибитки не обозначаются никакими особыми знаками, киргизы узнаютъ иногда аулы своихъ знакомыхъ уже издали, по большей или меньшей высотѣ кибитокъ, по болѣе или менѣе заостренной формѣ кровли; но ни къ какимъ преднамѣреннымъ знакамъ отличія для своихъ однообразныхъ палатокъ они не прибѣгаютъ. Однообразіе переносится съ кибитокъ на аулы, и лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ оно нарушается какой нибудь пристройкой, отгородками или навѣсами для молодого или больного скота; подъ этими навѣсами въ жаркіе дни ищутъ тѣни также и люди; пристройки эти, однако, встрѣчаются рѣдко и мало гармонируютъ съ типичной картиной аула.

Конструкція кибитки — въ смыслѣ практическаго разрѣшенія задачи приспособленія палатки къ жизни номада — является настоящимъ произведеніемъ искусства: въ полчаса она разобрана, въ часъ она составлена и готова со всѣмъ своимъ внутреннимъ устройствомъ. Она одинаково пригодна для всѣхъ временъ года, хотя я нахожу преувеличенными похвалы, которыя нѣкоторые путешественники расточаютъ ей по поводу цѣлесообразности въ этомъ отношеніи. Войлочные покрышки защищаютъ, правда, лѣтомъ отъ слишкомъ интенсивныхъ солнечныхъ лучей, а сквознякъ, который пропускается черезъ рѣшетки, когда свертываютъ стѣнные циновки,

понижаетъ температуру внутри кибитки. Тѣмъ не менѣе въ часы полудня въ ней иногда удушливо жарко, и съ неперпѣніемъ ожидаешь трехъ часовъ, когда позади кибитки отъ стѣны появляется первая, хотя бы и самая крошечная, тѣнь. Зимой кибитки разбиваютъ на защищенныхъ склонахъ, окружаютъ ихъ землянымъ или каменнымъ валомъ, рѣшетки ставятъ на слой стараго лошадинаго навоза, снаружи покрываютъ его еще поверхъ землю, которую притаптываютъ, и удваиваютъ надъ остовомъ кибитки слой войлока. Внутри кибитки поддерживается благотворный огонь, и кромѣ того стараются бороться съ холодомъ обильнымъ употребленіемъ въ пищу жира.

Очагъ находится между дверью и серединой кибитки, гдѣ оставляютъ непокрытымъ небольшое утопанное мѣсто или плоское углубленіе; лѣтомъ очагъ устраиваютъ снаружи кибитки или въ видѣ углубленія въ землѣ или же между тремя камнями, а въ кибитку вносится только уголь на лопаткѣ, чтобы держать въ теплѣ воду для чая. Для зажиганія огня повсюду въ употребленіи спички, а за неимѣніемъ ихъ—кремень и огниво; матеріаломъ для топлива служитъ лошадиный навозъ, а на растопку берутъ траву; ближе къ побережью въ ходу также и древесный уголь. Употребленіе для этой цѣли другими монгольскими народами, какъ описываютъ, костей, здѣсь неизвѣстно. Навозъ употребляется въ его натуральномъ видѣ; женщины берутъ щипцами каждый отдѣльный кусокъ и умѣютъ устраивать изъ него очень искусную горку (таб. 19). Когда огонь уже больше ненуженъ, его покрываютъ травой, чтобы легче раздуть его въ пламя, когда это понадобится. Вѣеръ, употребляемый для раздуванія огня въ туркестанскихъ городахъ, здѣсь неизвѣстенъ.

Внутренность кибитки представляетъ одно общее помѣщеніе, которое только въ очень рѣдкихъ случаяхъ разгора-

живается занавѣской, напр., когда въ той же кибиткѣ временно помѣщается только-что женившійся сынъ. Полъ кибитки, за исключеніемъ мѣста, гдѣ помѣщается очагъ, покрываютъ кошмами, на которыя, когда являются гости, кладутъ новыя узорчатыя кошмы или туркменскіе ворсовые ковры. Мѣсто передъ дверью остается непокрытымъ; здѣсь входящій оставляетъ свою обувь, тутъ же сбоку примачивается больная козочка или ждетъ ножа только-что выхваченный изъ стада барашекъ; здѣсь же отведено мѣсто и для охотничьихъ соколовъ, которые сидятъ на крошечномъ столикѣ,—покрытой войлокомъ дощечкѣ на короткой подставкѣ.

Вдоль стѣнъ высоко нагромождены подушки, матрацы, одѣяла и ковры, отчасти убранныя повседневныя постельныя принадлежности, отчасти же запасныя вещи, накопившіяся, какъ свадебныя подношенія, или пріобрѣтенныя покупкою; этотъ запасъ пускается въ ходъ при разныхъ торжественныхъ случаяхъ или идетъ при женитьбѣ дѣтей на калымъ и свадебныя подарки. Вдоль стѣнъ разставлены также и сундуки, въ настоящее время по преимуществу русскаго издѣлія, и рѣзные открытые ящики собственной работы, куда въ дорогѣ помѣщаютъ дѣтей, а въ обычное время прячутъ подошники, чашки и прочую домашнюю утварь. По стѣнамъ развѣшаны ковровыя сумки и нарядныя покрывала, оружіе и лошадиная сбруя, войлочные сумки и ведра изъ шкуры, веретена и мотки шерсти, ткацкія дощечки, деревянныя ступки для растирания табака, сосуды изъ овечьяго желудка для молока и ящички для инструментовъ, шкуры для просушки и музыкальные инструменты, шашечная доска и амулеты. Для мелкихъ вещей имѣются боковыя полочки, которыя подвѣшиваются къ планкамъ рѣшетки шерстяными шнурками; онѣ узорчатыя и изготовляются такъ же, какъ и циновки для кибитокъ, т.-е. изъ тростника, обвитаго разноцвѣтною шерстью; съ крыши

спускаются пестрые узорчатые шнурки и кисти, а въ серединѣ, у стѣны, или въ правомъ углу у входа помѣщается мѣхъ для кумыса („саба“ *).

Постель состоитъ большею частью только изъ стеганого одѣяла, разостланнаго на полу, и второго одѣяла, которымъ покрываются. Къ востоку отъ Аральскаго моря я встрѣчалъ настоящія кровати, большею частью пестрыя съ рѣзьбою, на Мангышлакѣ же только упомянутыя уже выше полукровати, т.-е. наклонныя обложенныя подушками подставки, состоящія изъ изголовья перерѣзанной поперекъ деревянной кровати; это привозное татарское издѣліе; обыкновенно же вмѣсто подушки киргизъ довольствуется сѣдломъ, потникомъ или свернутой одеждой.

При приближеніи къ аулу не слѣдуетъ подъѣзжать прямо къ двери, чтобы не совершить проступка противъ хорошаго тона. Какъ въ восточныхъ городахъ обычай требуетъ, чтобы гость не входилъ прямо въ домъ, а, остановившись у входа, громко далъ бы о себѣ знать, такъ въ степи—примѣнительно къ условіямъ—гость долженъ приблизиться къ кибиткѣ съ задней стороны, остановиться метрахъ въ двадцати отъ нея и ожидать, пока кто либо къ нему не выйдетъ. Когда появится хозяинъ или кто нибудь изъ его родственниковъ или, за отсутствіемъ въ домѣ мужчинъ, жена хозяина, гостя встрѣчаютъ пытливые взгляды, разспросы и переговоры, и только послѣ того, какъ состоится соглашеніе, появляется одинъ изъ слугъ, придерживаетъ лошадь и стремена, и гость можетъ сойти съ сѣдла: онъ привѣтствуетъ рукопожатіемъ представителя дома, который съ своей стороны кладетъ правую руку гостя между своими ладонями и, держа ихъ вертикально, крѣпко пожимаетъ ее. Въ то время, какъ слуги хлопчутъ около лошадей, снимаютъ сѣдла и спутываютъ имъ переднія

*) Перев.

ноги, хозяинъ дома медленно, размѣреннымъ шагомъ направляется къ входу, заглядываетъ внутрь кибитки, чтобы удостовѣриться, что тамъ все въ порядкѣ, и женщины уже освѣдомлены о прїѣздѣ гостей, — и насъ впускаютъ. Мы привѣтствуемъ женщинъ, которыя стоятъ молча, съ опущенными внизъ глазами, и садимся на указанное намъ почетное мѣсто противъ двери, гдѣ уже положена новая кошма и, для удобства избалованнаго европейца, еще подушка. Хозяинъ садится въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ и спрашиваетъ, чего мы желаемъ. Мы имѣемъ въ виду лишь короткій отдыхъ и просимъ молока. Хозяйка подымается, беретъ за пискекъ и взбалтываетъ имъ разовъ двадцать кумысъ, вода пискекомъ вверхъ и внизъ; затѣмъ она развязываетъ одну изъ „ногъ“ — кумысный мѣхъ дѣлается изъ цѣльной овечьей шкуры — и ждетъ, чтобы молоко набѣжало въ подставленную деревянную чашку. Угощеніе беретъ уже на себя хозяинъ; онъ еще разъ перемѣшиваетъ молоко, спуская его нѣсколько разъ медленной струей съ высокоподнятой ложки въ чашку, обтираетъ края чашки пальцемъ, пальцемъ же вылавливаетъ грязь, затѣмъ отпиваетъ глотокъ и тогда ужъ подносить гостю. Нельзя отрицать, что во всемъ этомъ актѣ есть что-то торжественное, и не даромъ нѣкоторые писатели называютъ это данью уваженія къ кумысу; какъ бы то ни было, этотъ актъ являетъ собою осмысленную нѣжную заботливость, какая подобаешь важности этого напитка и его значенію и тому благоговѣйному ожиданію, которое царитъ за столомъ. И оно вполне понятно. Кто послѣ нѣсколькихъ часовъ жаркой верховой ѣзды по степи подѣзжаетъ къ аулу, того уже издали привѣтствуютъ два добрыхъ предзнаменованія: рѣшетки кибитки и равномерные всплески кумысной мутовки. Первое указываетъ на то, что здѣсь живутъ заботливые люди, умѣющіе цѣнить свѣжій прохладный воздухъ, — это свидѣлствуютъ свернутыя надъ

Киргизы изъ Тургайской степи.

Молодой киргизъ.

рѣшетками кибитки кошмы, — второе вызываетъ въ путникѣ такія же пріятныя ощущенія, какія испытываетъ любитель пива при открываніи новаго боченка. И напитокъ не обманываетъ ожиданій. Одинъ уже кислый запахъ, который онъ распространяетъ въ кибиткѣ, дѣйствовалъ на меня освѣжающе, а его вкусъ мнѣ всегда нравился и былъ пріятенъ, только не тогда, когда къ кумысу прибавлялась манная крупа. Его опьяняющаго дѣйствія я ни на себѣ, ни на другихъ не замѣчалъ, хотя, впрочемъ, выпитое въ одинъ пріемъ количество не превышало одного литра, и возможно, что при большихъ количествахъ это имѣло бы мѣсто.

Зато потребленіе чая достигаетъ огромныхъ размѣровъ. Если о русскомъ можно сказать, что онъ пьетъ столько чаю, сколько возможно себѣ только представить, то киргизъ пьетъ еще вдвое больше; отъ семи до десяти стакановъ утромъ, въ обѣдъ и вечеромъ—обычное явленіе лѣтомъ, и это причиняло мнѣ не мало огорченія, особенно по утрамъ, когда людей нельзя было оторвать отъ ихъ чая. Солнце всходило рано, въ восемь часовъ оно палило уже надъ нашими головами съ полуденнымъ зноемъ, и я старался выѣзжать по возможности съ восходомъ солнца, но въ гостепріимныхъ аулахъ мнѣ въ этомъ отношеніи не везло. „Еще стаканъ чаю“—было поводомъ къ новому промедленію, тѣмъ болѣе, что ссылка на полезность чая являлась такимъ извинительнымъ мотивомъ. Въ послѣднемъ сомнѣваться, дѣйствительно, не приходилось, и люди были правы, когда говорили: „сегодня нужно выпить побольше чаю, очень жарко“; люди тамъ знаютъ, что въ жару полезна транспирація, и что это умѣряетъ жажду; они сознательно выпиваютъ такія количества этого привознаго продукта, какъ въ старину они выпивали съ тою же цѣлью такія же количества горячей воды съ распущеннымъ въ ней саломъ. На мнѣ чай отзывался

всегда отлично, и мнѣ не удавалось лучше утолить жажду, какъ выпивъ нѣсколько стакановъ чаю, и я нахожу, что холодная вода, молоко или пиво никогда не утоляютъ вполнѣ жажды и не разливаютъ по всему тѣлу такого интенсивнаго пріятнаго ощущенія, какъ горячій чай.

Я снова испыталъ это на Мангышлакѣ, гдѣ при температурахъ до 40 и 50 градусовъ кожа была постоянно покрыта испариной, и чѣмъ больше пота выгонялось чаемъ, тѣмъ меньше ощущалась жара. Слѣдовало бы и для нашихъ войскъ взвѣсить всю важность потребленія чая во время лѣтнихъ маневровъ и въ походахъ.

Чѣмъ дальше вглубь страны, тѣмъ бережливѣе обходятся съ чаемъ; сахару часто совсѣмъ не видно. Вмѣсто свѣжаго молока сплошь и рядомъ подливаютъ въ чай кумысъ, что придаетъ ему пріятный, особенно освѣжительный, какъ бы фруктовый, вкусъ.

Молоко и чай—это только первое привѣтствіе гостеприимныхъ хозяевъ. Пока васъ ими угощаютъ, одна изъ женщинъ достаетъ изъ стоящихъ у стѣны мѣшковъ муку и замѣшиваетъ водою тѣсто. Я беру мѣстность ближе къ береговой полосѣ, гдѣ больше туркменскаго и татарскаго вліянія; дальше вглубь страны цѣлыми недѣлями приходится переживать старыя тюркскія времена, не знавшія хлѣба, и, къ ужасу нашихъ вегетаріанцевъ, при исключительномъ питаніи мясомъ, жиромъ и молокомъ населеніе не только не выходитъ изъ физическаго равновѣсія, но и чувствуетъ себя необыкновенно здоровымъ. Итакъ, въ нашемъ аулѣ имѣется еще мука, и женщины умѣютъ печь изъ нея превосходный хлѣбъ: тѣсто, къ которому прибавляютъ иногда кумысъ, отчего оно скорѣе подымается и дѣлается вкуснѣе, кладутъ на круглую желѣзную сковороду, которую ставятъ на открытый огонь и покрываютъ второй сковородой; по-

верхъ сковороды накладывають также огонь, такъ что тѣсто печется одновременно и сверху и снизу. Въ полчаса жаръ сверху и снизу сдѣлалъ свое дѣло, и мы получаемъ къ нашему чаю, который слѣдуетъ за кумысомъ, теплый и вкусный хлѣбъ. Пекутъ два сорта хлѣба, болѣе толстыя лепешки „нанъ“ и болѣе тонкія „шѣрекъ“, и кромѣ того еще мелкое печенье, приготовленное на бараньемъ жиру.

Жара, кумысъ и масса выпитаго чаю навели на гостей сонъ; все прибирается, и начинаютъ готовиться къ отдыху. Молодые люди хлопчуть около стада, женщины готовятъ самый „гвоздь“ киргизскаго гостепріимства — баранину; считается само собою понятнымъ, что прибывшихъ гостей нужно накормить бараниной, и киргизы очень удивлены, если отъ нея отказываешься подъ предлогомъ, что нужно торопиться дальше. „Оставайтесь, сейчасъ зарѣжутъ барана“, настаиваютъ они. „Зарѣзать барана“ является во всѣхъ случаяхъ и разказахъ яркимъ синонимомъ „радушнаго гостепріимства“. Правомъ рѣшающаго голоса въ вопросѣ о баранѣ пользуется, само собою, глава семьи, но и жена не можетъ уклониться отъ этой традиціонной обязанности по отношенію къ гостю; когда мужъ отсутствуетъ, хозяйка либо сама отдаетъ приказаніе зарѣзать животное, либо, если вблизи имѣется аулъ одного изъ родственниковъ, посылаетъ за нимъ и просить его распорядиться. Кому везетъ съ аулами въ его путешествіи, тотъ можетъ при желаніи три раза въ день питаться мясомъ и вдоволь имъ насытиться. Иногда, правда, любезное приглашеніе есть не что иное, какъ конвенціональная ложь, подъ маской которой скрывается тайный страхъ, что приглашеніе можетъ быть принято — люди и въ степи бываютъ разные, — но эти „скупые“ на перечетъ, и всѣ только радуются, когда обстоятельства заставляютъ ихъ пожертвовать бараномъ. Именно такое отношеніе къ „скупымъ“ и

доказываетъ лучше всего, что гостепріимство въ общемъ является совершенно искреннимъ, и что Вамбери не преувеличиваетъ, когда говоритъ: „Утолить жажду путнику въ жаркій лѣтній день считается высшимъ проявленіемъ гостепріимства, и киргизу оказывается благодѣяніе, если ему доставляютъ случай выполнить эту обязанность“. То, что здѣсь сказано о кумысѣ, относится также и къ мясу. При этомъ нельзя ставить въ вину этимъ людямъ нѣкоторую скупость, такъ какъ гостепріимствомъ не мало злоупотребляютъ: свободные большею частью отъ работы и большіе охотники покушать, мужчины предпринимаютъ увеселительныя поѣздки другъ къ другу, особенно въ аулы, гдѣ они рассчитываютъ на хорошее угощеніе; если же къ кому нибудь заглянетъ пріѣзжій, то въ кибитку тотчасъ же наберется нѣсколько сосѣдей, которыхъ сюда привлекаетъ не одно любопытство, но также и вѣрные расчеты хорошенько угоститься. Несомнѣнно, и самъ хозяинъ по большей части не руководствуется однимъ лишь побужденіемъ оказать, какъ говоритъ Вамбери, „благодѣяніе“ своему ближнему, но радъ случаю имѣть лишній поводъ выпить и покушать. Баранина самое любимое кушанье киргизовъ. Зимой мяса всегда достаточно, для запасовъ идутъ околѣвшія животныя, и въ плохіе года его столько, что приходится солить и въ такомъ видѣ сохранять; лѣтомъ же рады каждому пріѣзжему, чтобы имѣть поводъ угоститься свѣжимъ мясомъ. И теперь еще оправдывается то, что сказалъ о киргизахъ одинъ прежній писатель: „Они вообще страшные обжоры; часто, вернувшись съ охоты, они въ первый же присѣсть вчетверомъ съѣдаютъ барана“; я даже думаю, что это еще ниже дѣйствительности, и что найдутся и такіе, аппетиты которыхъ капитулируютъ лишь при второмъ баранѣ. Но какъ они при этомъ наслаждаются, можетъ судить только тотъ, кто ви-

дѣль это воочію. Кто хочетъ составить себѣ понятіе, какъ образовались доисторическіе отбросы въ пещерахъ и къёккенмеддингерахъ, долженъ хоть разъ поѣсть съ киргизомъ баранины, — онъ узнаетъ только тогда, что значитъ „очистить тарелку“, съ какимъ рвеніемъ, умѣlostью и успѣхомъ можно обрабатывать баранью косточку, съ какою настойчивостью и находчивостью можно ее глотать и грызть, раскусывать и отламывать, объѣдать и высасывать, и какъ безусловно можно ее очистить безъ всякихъ аппаратовъ. Кибитка съ киргизами за бараниной — жадныя руки, скрежещущіе зубы, хватающія губы и блестящіе отъ удовольствія глаза — представляетъ картину, которую никогда не забудешь. Всѣ сидятъ группами: на почетномъ мѣстѣ вокругъ парадной чашки съ лучшими кусками — заднею частью, жиромъ и головой — сидятъ гости, сбоку хозяинъ, нѣсколько поодаль сыновья, у стѣны рабочіе, а напротивъ женщины. При этомъ мужчины сидятъ съ подогнутыми ногами, женщины на корточкахъ или какъ „стрѣлки“, при чемъ одна нога подвернута, другая съ сильно согнутымъ колѣномъ остается въ вертикальномъ положеніи. Костный мозгъ считается, какъ и голова, самымъ лакомымъ кускомъ, и смѣшно видѣть, какъ мужчины передаютъ чисто обглоданную кость хозяину, и какъ тотъ съ большимъ наслажденіемъ высасываетъ ее. Брошенную уже кость поднимаютъ еще женщины, въ слабой надеждѣ найти въ ней хоть какой нибудь крошечный остатокъ. Не менѣе забавно, какъ кормить взрослыхъ сыновей и другихъ мужчинъ самъ хозяинъ, всовывая имъ кусокъ въ широко раскрытый ротъ; въ общемъ же каждый долженъ ждать, пока очередь дойдетъ до него: хозяинъ получаетъ послѣ гостей, мужчины послѣ хозяина, женщины послѣ мужчинъ, и каждая партія, выбравъ хорошенько изъ чашки лучшее, что въ ней имѣется, передаетъ чашку съ остатками

дальше; голодные пастухи стараются вознаградить себя за долгое ожиданіе, выхватывая и проглатывая лучшіе изъ оставшихся кусковъ.

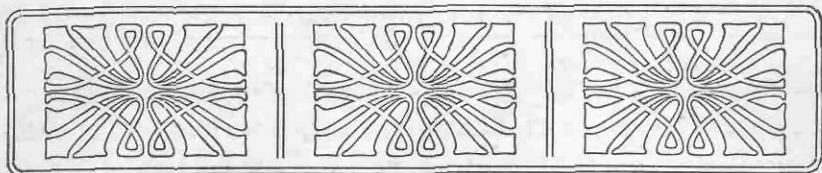
Когда чашки съ мясомъ очищены, подается мясной наваръ, очень крѣпкій и жирный, необыкновенно вкусный, и выпивается, при соблюденіи того же порядка, т.-е. отъ гостей къ хозяину и т. д. Ничего возбуждающаго, никакія пріянности за столомъ киргиза не имѣютъ мѣста, за исключеніемъ самаго необходимаго количества соли или овощей или какой либо другой приправы; точно также не прибѣгаютъ послѣ обѣда ни къ алкоголю, ни къ табаку. На Мангышлакѣ не знаютъ ни туркестанскаго кальяна, ни восточно-азіатской трубки, а отъ папирасы лишь тамъ не отказываются, гдѣ болѣе продолжительное общеніе съ русскими въ школахъ и правительственныхъ мѣстахъ приучило къ куренію молодыхъ людей. Внутри страны папиросами брезгаютъ; изрѣдка среди стариковъ попадаются нюхающіе табакъ.

По окончаніи ѣды благодарная отрыжка выражаетъ „спасибо“, и всѣ присутствующіе — мѣстами также и женщины — поднимаютъ до уровня лица свои руки съ ладонями, полуобращенными другъ къ другу, гость или хозяинъ совершаетъ благодарственную молитву Аллаху, и при этомъ имени всѣ медленно проводятъ по лицу руками сверху внизъ. Затѣмъ все убирается, слуги или женщины приносятъ воду и льютъ всѣмъ на руки, при чемъ тутъ же полощется и ротъ. Всѣ устраиваются, кто какъ можетъ, по стѣнамъ кибитки, рассказываютъ другъ другу разныя исторіи, нѣкоторые снимаютъ со стѣны „тогузъ-кумалакъ“ (девять шариковъ овечьяго помета), т.-е. шахматную доску, на которой играютъ шариками овечьяго помета. На доскѣ имѣется два параллельныхъ ряда ямокъ съ девятью ямками въ каждомъ; въ эти ямки при началѣ игры вкладывается по девяти шариковъ. При

каждомъ ходѣ игрокъ распредѣляетъ шарики изъ одной ямки въ соотвѣтственное число другихъ, при чемъ шарики противника можно по извѣстнымъ правиламъ забирать. Тотъ, у кого окажется больше шариковъ, считается въ выигрышѣ.

Иногда какой нибудь пѣвецъ снимаетъ со стѣны двухструнную домбру, беретъ простые монотонные аккорды и поетъ о любви и жизни, о людяхъ, повидавшихъ свѣтъ, о домосѣдахъ и т. д. Къ тихимъ звукамъ примѣшивается многообѣщающій басъ пискека, которымъ хозяйка усердно перебалтываетъ кумысъ для вечера. Въ полутьмѣ кибитки сверкаютъ бѣлые, какъ снѣгъ, зубы и веселые глаза, къ хозяину жметя его любимый сынокъ, которому въ честь рѣдкаго гостя разрѣшено дольше оставаться на ногахъ и послушать пѣвца, отъ котораго не отрывается его взоръ, пока, усталый, онъ не свалится на колѣни отца, и тотъ не прикроетъ его осторожно теплымъ одѣяломъ. Надъ открытымъ куполомъ кибитки сверкаютъ уже звѣзды на вечернемъ небѣ, передъ дверью вспыхиваютъ еще красные языки догорающаго очага, освѣщая мелькающіе халаты, вдали раздается короткій рѣзкій лай собаки. Одинъ за другимъ встаютъ и оставляютъ кибитку киргизы; темнота и тишина степной ночи окутываютъ кибитку и ауль, пока съ разсвѣтомъ не встанутъ женщины и не раздуютъ снова тлѣющаго огня.

ГЛАВА IV.

Рожденіе и дѣтство.

Когда беременность близится къ концу, киргизка обращается къ опытной женщинѣ, которая ее изслѣдуетъ. Такія женщины знаютъ отлично свое дѣло и умѣютъ въ случаѣ нужды исправить внѣшними манипуляціями неправильное положеніе ребенка. Къ активному вмѣшательству приходится, однако, рѣдко прибѣгать, роды у киргизокъ обыкновенно легкіе и нормальные, и вся роль бабки ограничивается обычною въ этихъ случаяхъ помощью. Мужчины при родахъ не присутствуютъ, — напротивъ того, они стараются въ эти тяжелые для жены часы быть какъ можно дальше. О нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обычаяхъ, которые примѣняются при тяжелыхъ родахъ или для ихъ предупрежденія, я говорю въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Послѣдъ зарывается, пуповина же вѣшается въ кибиткѣ, пока отъ пупка не отдѣлится остатокъ ея, а затѣмъ все вмѣстѣ также зарывается въ землю.

Родильница остается въ постели отъ двухъ до трехъ дней. Новорожденное дитя на второй день обмываютъ и кладутъ

въ колыбель. Легкая деревянная люлька состоитъ изъ двухъ вертикально стоящихъ дужекъ и четырехугольной между

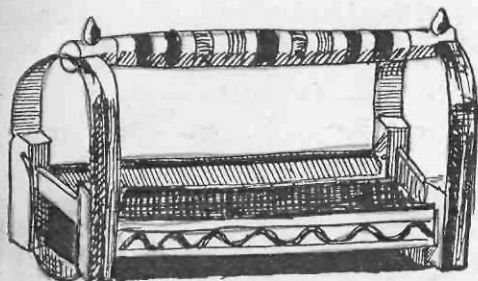

Рис. 8. Модель туркестанской люльки.

ними рамы внизу (рис. 8); верхушки обѣихъ дужекъ соединены продольной палкой, за которую колыбель несутъ или подвѣшиваютъ и черезъ которую набра-

сываютъ платокъ для защиты ребенка отъ

солнца и комаровъ. Дно люльки состоитъ изъ четырехъ поперечныхъ перекладинъ, прикрѣпленныхъ подъ рамой, и покрывается кошмой и подушками; подъ перекладинами подвязанъ небольшой войлочный мѣшечекъ, наполненный золой, для экскрементовъ. Моча попадаетъ туда же по трубкѣ, ведущей между перекладинами въ мѣшечекъ; эта трубка имѣетъ около восемнадцати сантиметровъ длины и вырѣзывается во

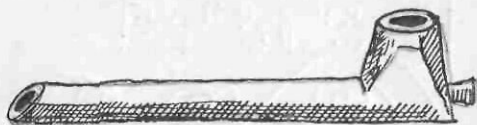

Рис. 9.

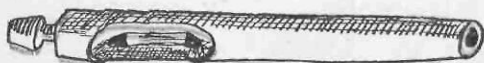

Рис. 10.

Рис. 11.

Трубки для мочи — приспособленіе для люльки.

семь Туркестанъ изъ дерева; она имѣетъ для мальчиковъ короткое, согнутое подъ прямымъ угломъ, на подобіе курительной трубки, колѣно (рис. 9), а для дѣвочекъ — корытообразный вырѣзь (рис. 10); у степныхъ номадовъ для этой цѣли берется просто трубчатая кость животнаго (рис. 11). Для

раціональности этого приспособленія необходимо, само собою, чтобы дѣти лежали совершенно спокойно, для чего ихъ привязываютъ поясомъ. Мѣшечекъ очищается разъ въ сутки и снова наполняется золой.

Я думаю, что эта форма колыбели была изобрѣтена въ городахъ осѣдлаго Сартскаго населенія и лишь заимствована

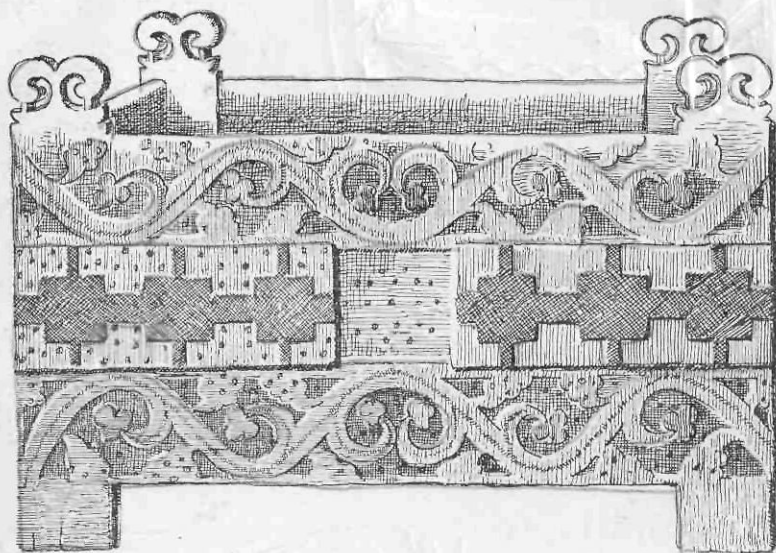

Рис. 12. Киргизскій ящикъ.

номадами, такъ какъ ея прославленная цѣлесообразность дѣлаетъ ее очень удобной мебелью въ домѣ, саду и кибиткѣ, но по своей неустойчивости она далеко не приспособлена къ кочевкамъ. Для этого, дѣйствительно, существуетъ другая форма люльки, а именно помѣстительные четырехугольные открытые ящики, служащіе въ кибиткахъ для храненія всевозможной домашней утвари; такіе ящики въ пути крѣпко привязываются къ верблюду, и въ нихъ помѣщаются не только грудные младенцы, но и дѣти болѣе старшаго возраста. Эти ящики украшены спереди рѣзьбою. Въ большомъ почетѣ старинные,

Топливо изъ верблюжьяго помета, употребляемое по Сыръ-Дарьѣ.

Намордникъ для молодыхъ верблюдовъ.

переходящіе изъ рода въ родъ экземпляры, съ которыми неохотно расстаются. Въ болѣе молодыхъ хозяйствахъ я ихъ уже больше не встрѣчалъ (рис. 12).

Матери кормятъ грудью своихъ дѣтей очень долго, по два года и дольше; но, страннымъ образомъ, перваго ребенка сама мать не кормитъ; его выкармливаютъ другія женщины, мать же выдавливаетъ у себя молоко, пока оно не пропадетъ. На чемъ основанъ такой обычай, мнѣ не удалось узнать.

При выборѣ имени для ребенка — что происходитъ вскорѣ послѣ его рожденія и сопровождается празднествомъ — руководствуются разными символическими аналогіями или особыми обстоятельствами, сопровождавшими его рожденіе. О туркменскомъ племени текинцевъ существуетъ слѣдующее преданіе: Къ одному богатому человѣку пришли однажды въ гости три друга. По обычаю страны ихъ нужно было угостить бараниной, но въ аулѣ въ тотъ моментъ не было ни одного барана, такъ что пришлось зарѣзать козу. Въ тотъ же день у богатаго человѣка родился мальчикъ, и его, ввиду такого необычайнаго случая, назвали те к е (т. е. козель). Отъ него происходятъ текинцы.

Къ числу обстоятельствъ, играющихъ роль при выборѣ имени ребенка *), относится, напр., дождь — мальчика назовутъ д ж а н г ы р ь - б а й = дождь - господинъ; этимъ выражается пожеланіе мальчику стать богатымъ, такъ какъ дождь дѣлаетъ степь плодородной, а, слѣдовательно, стада большими, а хозяина богатымъ; если во время рожденія ребенка аулъ переѣзжаетъ, ребенка назовутъ к е ш е р ь - б а й; постъ — о р а з а — даетъ поводъ къ имени о р а з а - б а й; тургай-

*) Относительно транскрипціи приводимыхъ здѣсь авторомъ именъ, равно какъ и объясненія ихъ значенія сдѣланы по указанію В. В. Радлова нѣкоторыя измѣненія и дополненія.

бай — назовутъ въ честь маленькой птички тургай; беркутъ-бай — въ честь копчика. Любящій отецъ назоветъ сына ай-джанъ = луна-душа, т. е. твой отецъ любитъ тебя, какъ свою душу. Символическое значеніе, заключающее въ себѣ какое нибудь пожеланіе имѣютъ, наприм., имена каскаръ-бай — каскаръ = волкъ, т. е. будь сильнымъ, какъ волкъ; джудузъ-бай — джудузъ = звѣзда, т. е. будь прекрасенъ, какъ звѣзда; бактаръ-бай = будь счастливъ.

Приставка „бай“ (= господинъ, хозяинъ, мужъ) прибавляется только къ мужскимъ именамъ; ей соотвѣтствуетъ въ женскомъ имени „бикé“ = госпожа; напр., ай-дай-бикé = луна — какъ — госпожа, т. е. будь, какъ луна *).

Какъ наименованіе ребенка, такъ и обрѣзаніе даетъ поводъ къ приглашеніямъ, угощеніямъ и празднествамъ. У туркменовъ обрѣзаніе совершается между шестымъ и восьмымъ годомъ отъ роду, у киргизовъ — между седьмымъ и двѣнадцатымъ годомъ: оно возложено на специально подготовленныхъ къ этому муллъ и состоитъ въ томъ, что дѣлаютъ бритвой поперечный надрѣзъ крайней плоти и затѣмъ отдѣляютъ ее. Отрѣзанный кусочекъ вѣшается снаружи кибитки, засыхаетъ тамъ, и на него больше не обращается никакого вниманія. Ранка посыпается золой отъ сожженной чистой тряпочки, надъ ней ставятъ сосудъ для защиты ея отъ тренія и затѣмъ мальчика оставляютъ спокойно лежать

*) Приводимъ здѣсь, по указанію В. В. Радлова, еще нѣкоторыя другія имена. Такъ, напримѣръ, есть имена съ приставкою келди = онъ пришелъ: напр., даулетъ-келди или бактъ-келди = счастье пришло и др.; съ темиръ = желѣзо: акъ-темиръ = бѣлое желѣзо, бай-темиръ = богатое желѣзо; съ тасъ = камень: кара-тасъ = черный камень и т. д. Если въ семьѣ умираютъ дѣти и родители боятся, чтобы не умеръ также вновь родившійся ребенокъ, его назовутъ токтамысъ = онъ остался живъ (выражая этимъ желаніе, чтобы онъ жилъ), или же назовутъ какимъ либо некрасивымъ, отталкивающимъ именемъ, напр.: ить-кётю = собаки-задъ, ить-басы = собаки-голова и т. п.

на спинѣ. Для отправленія естественныхъ потребностей ребенка подъ его постелью вырываютъ въ полу кибитки углубленіе. Недѣли черезъ полторы—три рана заживаетъ.

Мангышлакъ — это настоящій дѣтскій рай. При обилии дѣтей у киргизовъ (таб. 20) въ этой вольной степи никогда нѣтъ недостатка ни въ сверстникахъ, ни въ мѣстѣ для игръ, ни въ снисхожденіи родителей. Здѣсь не приходится еще добиваться „вѣка ребенка“, здѣсь ребенокъ господствуетъ уже тысячелѣтія.

Особенно въ первые годы своей жизни дитя является общимъ баловнемъ и мала и велика, любимой живой игрушкой, съ которой играютъ цѣлый день, которую чистятъ, гладятъ, цѣлуютъ и ласкаютъ. Въ этомъ особенно отличаются отцы, которые большую часть своего дня отдаютъ ребенку. Какъ мать ни минуты не остается безъ работы, такъ отецъ — если онъ не спитъ — все время возится съ ребенкомъ, причемъ въ нѣжности къ ребенку и мать и отецъ ни въ чемъ не уступаютъ другъ другу. Распредѣленіе хозяйственныхъ заботъ оставляетъ мужу, конечно, больше досуга, чѣмъ женѣ, а неравенство половъ предоставляетъ ему забаву тамъ, гдѣ на долю женщины выпадаетъ практическое проявленіе материнской любви. Если случается иногда, правда, чрезвычайно рѣдко, что отецъ ударить своего избалованнаго любимца, то послѣдній съ крикомъ бросается къ матери, зная, что всегда найдетъ у нея неразумное сочувствіе своему горю и утѣшеніе у естественнаго источника. Нерѣдко можно встрѣтить трехъ-, четырехъ- и даже шестилѣтнихъ ребятъ, которые постоянно бѣгають отъ мѣха съ кумысомъ къ груди матери и обратно, всегда голодные и жадные, всегда сосущіе или облизывающіеся и ворчащіе, если не исполняютъ тотчасъ же ихъ желанія; родители въ этихъ случаяхъ немедленно спѣшатъ задобрить ребенка, дабы распрямился только его

искривленный ротикъ. Эту обезьянью любовь къ маленькимъ дѣтямъ, быть можетъ, не поставятъ ужъ такъ въ вину киргизамъ, если примутъ во вниманіе, что кибитка ихъ имѣетъ лишь одно помѣщеніе, что въ ней нѣтъ особой дѣтской, и нѣжничанье съ дѣтьми въ присутствіи чужого гостя, быть можетъ, скрываетъ нѣкоторое смущеніе; но отрицать эту преувеличенную любовь къ дѣтямъ не приходится, да и сами киргизы, наконецъ, подтверждали мнѣ это.

Когда ребенокъ подрастаетъ, суровая дѣйствительность кочевой жизни предъявляетъ къ нему свои требованія. Онъ начинаетъ по утрамъ собирать лошадиный и верблюжій навозъ для топлива, носить на рукахъ и забавляетъ маленькихъ ребятъ, помогаетъ таскать изъ колодца воду и пригоняетъ туда скоть, держать при доеніи овецъ и т. п. Онъ рано научается ѣздить верхомъ; на это есть особыя дѣтскія сѣдла, которыя имѣютъ спереди и сзади высокія, большею частью украшенныя рѣзьбою луки, такъ что маленькій наѣздникъ не можетъ выпасть. Большею частью ребенокъ посѣщаетъ нѣкоторое время школу, т.-е. онъ учится читать коранъ у муллы — если мулла въ аулѣ имѣется. Въ большихъ аулахъ для муллы ставятъ отдѣльную кибитку, которая служитъ въ то же время и школой; въ другихъ же случаяхъ ограничиваются легкимъ навѣсомъ изъ циновокъ или ямой, надъ которой протягиваютъ на палкахъ кошму для защиты учителя и учениковъ отъ солнца (таб. 21); иногда же ограничиваются просто тѣнью, которую бросаетъ кибитка. Ученье начинается на восьмомъ году и продолжается три-четыре года. У туркменовъ, какъ мнѣ рассказывали, существуетъ странный обычай начинать обучать позже мальчиковъ, которыхъ предназначаютъ въ муллы: слѣдовательно, тѣхъ мальчиковъ, которые должны потомъ заканчивать свое ученіе въ Хивѣ; это дѣлается, будто бы, оттого,

Колодцы на Мангышлакѣ.

что вѣрное произношеніе нѣкоторыхъ буквъ, напримѣръ *p* очень трудно и дается лишь позднѣе. Если это дѣйствительно такъ, то это необыкновенно мудрое правило школьной гигиены, которая требуетъ, чтобы тѣло было физически подготовлено прежде, чѣмъ его подвергнуть усиленной умственной работѣ. Положимъ, что странно собственно говорить объ умственной работѣ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о заучиваніи наизусть нѣсколькихъ изрѣченій корана; а если судить по одному, чисто внѣшнему, признаку, то и тутъ дѣло не такъ ужъ серьезно: когда приближаешься въ восточныхъ городахъ къ школамъ, то уже издали слышенъ шумъ и гулъ сливающихся голосовъ, происходящій оттого, что всѣ дѣти одновременно вслухъ учатъ свой урокъ. Если черезъ двери заглянуть въ классъ, то увидишь отъ сорока до пятидесяти сидящихъ на полу учениковъ, раскачивающихъ методично, какъ маятникъ, верхнюю часть тѣла назадъ и впередъ, и восемьдесятъ—сто рукъ, трущихъ въ это время такъ же мето-

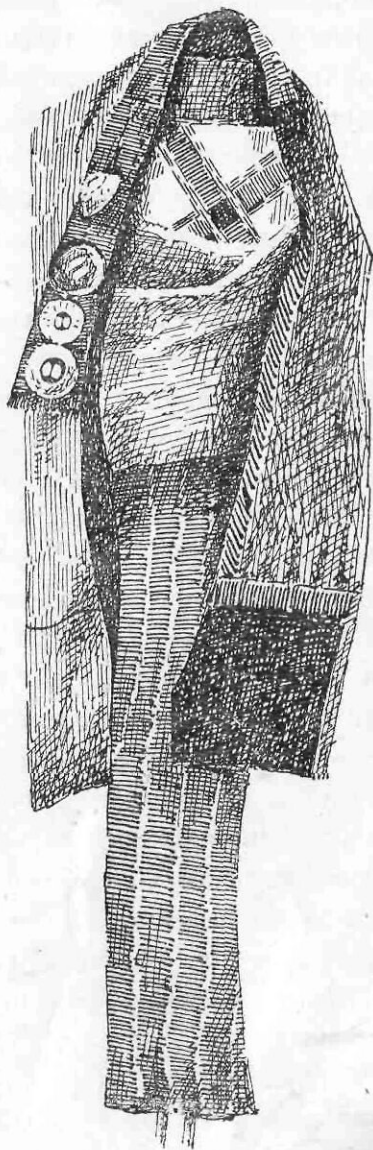

Рис. 13. Туркменская кукла.

дично, въ тактъ раскачиванію колѣна, — картина, которая навсегда остается въ памяти. У меня она настолько запечатлѣлась, что мнѣ тотчасъ же бросилось въ глаза ея отсутствіе у степныхъ киргизовъ: тутъ не было ни раскачиванія, ни тренія колѣнъ; значить, не было также особаго прилежанія, или серьезнаго отношенія къ дѣлу.

Умственные занятія и физическая работа по хозяйству не заполняютъ цѣлаго дня ребенка; у него остается еще достаточно времени, чтобы предаваться лѣни, сну и играмъ, и въ этомъ тріо онъ находитъ подходящую подготовку къ роли взрослого киргиза. Въ игрѣ, здѣсь, какъ и повсюду, онъ учится тому, чего отъ него потребуетъ современемъ жизнь: дѣвочки одѣваютъ куколъ, мальчики вырѣзываютъ лошадокъ. Куклы сооружаются очень просто — изъ деревянныхъ или камышевыхъ палочекъ, на которыя дѣвочки навѣшиваютъ пестряя тряпки, подражая при этомъ болѣе или менѣе вѣрно женской одеждѣ; желтый платокъ на шеѣ и головная съ полосатымъ краемъ накидка туркменокъ и бѣлый тюрбанъ киргизокъ, какъ національныя особенности, фигурируютъ при этомъ обязательно. Голову изображаетъ свернутая угломъ или кружкомъ тряпка (рис. 13). Кромѣ того, дѣвочки дѣлаютъ еще звѣрей изъ тряпокъ или изъ костей (рис. 14); особенно смѣшны послѣднія: нижнія челюсти, обернутыя тряпками, изображаютъ верблюдовъ, и даже съ сѣдлами и поводьями; съ ними играютъ въ „перекачевку аула“, взваливаютъ на нихъ кладъ, сгружаютъ ее и т. д. Лошадокъ вырѣзываютъ или изъ мѣстнаго мягкаго известняка (фиг. 15), или изъ дерева, — часто даже съ подвижными ногами. Кусочекъ тряпки изображаетъ при этомъ сѣдло. У одного туркменскаго мальчика я видѣлъ также и конюшню для его лошадки; онъ выкопалъ маленькую яму, обложилъ ее камнями и накрылъ кусочкомъ желѣз-

наго листа. Эта защита была такъ трогательна, что я, только скрѣпя сердце, отбросилъ ее въ сторону, чтобы ограбить

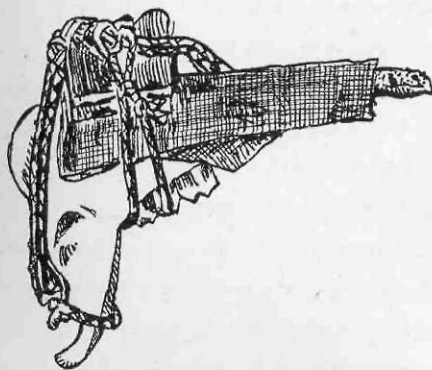

Рис. 14. Игрушка — верблюдь изъ овечьей нижней челюсти.

конюшню. Было четыре часа утра, нужно было уѣзжать, мальчикъ еще спалъ, а лошадка была мнѣ нужна во что бы то ни стало — что оставалось дѣлать? Я ее взялъ, въ уплату же положилъ вмѣсто нея маленькую трубу въ надеждѣ, что печаль объ утерянной игрушкѣ, которую не трудно было возмѣстить, скоро смѣнится

радостью при видѣ такой рѣдкой диковины.

Мальчики имѣютъ еще, кромѣ того, пращи изъ войлока и лукъ и стрѣлы, съ которыми они охотятся на птицъ. Лукъ изогнутъ почти въ полукругъ; онъ большею частью изъ дерева, бываетъ и изъ кости, но мнѣ тако-го не удалось ни приобрести, ни даже видѣть; стрѣла состоитъ изъ камыша, въ одинъ

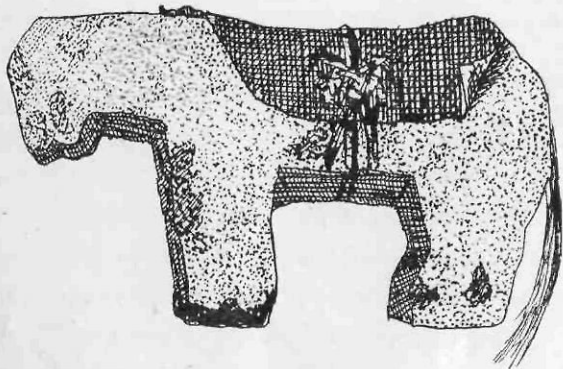

Рис. 15. Игрушка — лошадка изъ камня.

конецъ котораго воткнута обыкновенная игла, укрѣпленная кусочкомъ верблюжьего помета. Какъ и всѣ дѣти, маленькіе киргизы бѣгаютъ взапуски, борются и ловятъ другъ друга, пускаютъ волчекъ, который они пальцемъ приводятъ въ

вращательное движеніе, таскають другъ друга на спинѣ и т. п. Какъ у насъ играютъ въ лошадки, такъ они играютъ въ верблюда, при чемъ одинъ беретъ въ ротъ конецъ веревки, а другой тянетъ за нее; нашему футболу соотвѣтствуетъ у нихъ бросаніе кости; эта игра происходитъ въ степи, въ лунную ночь, и состоитъ въ томъ, что играющіе раздѣляются на двѣ партіи, изъ которыхъ каждая старается забросить кость, какъ можно дальше.

Въ большемъ ходу игра въ бабки — ладыжки, раскрашенныя овечьи надкопытныя косточки; въ бабки играютъ не только мальчики, но также охотно и старики; какъ въ кибиткѣ, такъ и на дворѣ можно продѣлать цѣлый рядъ ходовъ. Назову здѣсь нѣкоторые изъ нихъ:

Какъ пакылъ¹⁾: Берутъ въ руки шесть костей, кидаютъ ихъ на воздухъ и стараются поймать ихъ на тылъ руки; пойманныя, такимъ образомъ, кости опять высоко подбрасываютъ и снова ловятъ, то на ладонь то на тылъ руки, при чемъ то ловятъ одну кость, то, ловя подброшенныя кости, стараются въ то же время успѣть подобрать съ земли нѣсколько другихъ или хлопнуть въ ладоши, вытянуть колѣно, дотронуться до уха и т. д.; каждая изъ сложныхъ фигуръ засчитывается различно.

Джермекилъ: Изъ двухъ игроковъ одинъ назначаетъ, какой стороною должна упасть кость, а другой соотвѣтственно этому кидаетъ.

Сасыръ: Каждая сторона кости имѣетъ свою оцѣнку и, смотря по тому, какая сторона придется наверхъ, играющій платитъ или беретъ.

¹⁾ Ссылки автора въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Радлова („Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій“, изд. Имп. Академіи Наукъ, СПб. 1881—1911) являются для русскаго изданія излишними ввиду того, что транскрипція и толкованіе словъ провѣрены самимъ авторомъ словаря. Перев.

Бесъ-тасъ (пять костей): Подбрасываютъ одну изъ пяти костей и, прежде чѣмъ она упадетъ, подбираютъ остальные кости.

Канъ (князь): Кости бросаютъ и стараются изъ каждой двухъ упавшихъ рядомъ костей бить одной объ другую, не задѣвъ третьей. Если это удастся, то играющій беретъ себѣ кость, въ которую попалъ. Такъ продолжаютъ, пока не останется одна кость, которую въ началѣ игры обозначаютъ какъ „канъ“. Кто упадетъ въ нее, тотъ и побѣдилъ.

Ладыжки употребляются также и для изображенной на рис. 16 игрушки; веревку закручиваютъ и затѣмъ быстро натягиваютъ, отчего получается жужжащій звукъ (сравни Коси-Grünberg, „Zwei Jahre unter den Indianern“ I, стр. 274 и

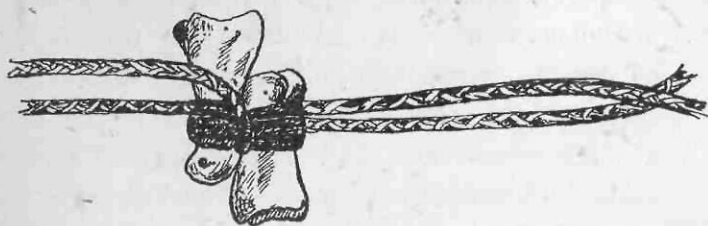

Рис. 16. Киргизская игрушка.

Nordenskiöld, „Spiele und Spielsachen im Grand Chaco und in Nordamerika въ „Zeitschrift für Ethnologie“ 42 стр. 433, гдѣ есть изображеніе подобной игрушки, встрѣчаемой у племени чане по р. Парапити и у центральныхъ эскимосовъ).

Коль-тусакъ (рука — петля): Одинъ изъ играющихъ держитъ въ рукѣ открытую петлю изъ бичевки и за ней какойнибудь предметъ; другой просовываетъ спереди руку и старается схватить и вырвать предметъ. Если это ему удастся прежде, чѣмъ противникъ затянетъ петлю, то предметъ переходитъ къ

нему; если же его рука останется въ петлѣ, то онъ долженъ спѣть пѣсню, или какимъ либо другимъ образомъ выкупиться.

Коржунъ-шалмакъ (мѣшокъ — отшвырнуть): Одинъ изъ играющихъ ползаетъ по землѣ на четверенькахъ и старается сбросить двухъ другихъ, которые лежатъ поперекъ у него на спинѣ (какъ двойные мѣшки на лошадяхъ) и держатся крѣпко за руки.

Затѣмъ есть еще такая игра: Платокъ складываютъ въ видѣ зайца и кладутъ его съ какимъ-нибудь другимъ предметомъ между играющими. Затѣмъ одинъ изъ играющихъ отходитъ и повертывается спиною, а другой въ это время прячетъ положенный предметъ; первый долженъ угадать, кто воръ. Когда предметъ спрятанъ, первый возвращается въ кругъ играющихъ и дѣлаетъ видъ, что разговариваетъ съ зайцемъ и спрашиваетъ его, кто спряталъ вещь, а всѣ остальные въ это время по очереди дотрагиваются до зайца пальцемъ; обыкновенно тайно условливаются съ кѣмъ-нибудь изъ друзей, и тотъ подаетъ знакъ, когда до зайца дотрагивается виновникъ, — такимъ образомъ задача благополучно разрѣшается.

Или: Ктонибудь держитъ обѣ руки вмѣстѣ наклонно, соединивъ ихъ концами пальцевъ, и изображаетъ этимъ кибитку невѣсты. Другой дотрагивается до этой кибитки пальцемъ, который долженъ изображать жениха и спрашиваетъ: „Гдѣ мнѣ войти? здѣсь?“ Отвѣтъ: „Нельзя войти, мать не пускаетъ“. Тогда палецъ дотрагивается до другого мѣста воображаемой кибитки и спрашиваетъ снова: „Здѣсь?“ Отвѣтъ: „Нѣтъ, собака не пускаетъ“, и такъ продолжаютъ

нѣкоторое время; затѣмъ, наконецъ, палець вводятъ сверху, и „кибитка разрушается“.

Распространенная повсюду игра съ ниткой есть и у киргизовъ и носить тамъ названіе ше деръ - туюнъ (шедеръ = продѣть, туюнъ = узель); получаемыя при этомъ фигуры изображаютъ предметы изъ окружающей среды, какъ, напр., „пути для лошадей“ и т. д.

Изъ счетовъ, которые въ ходу при играхъ, я слышалъ слѣдующіе:

э кемъ - э кемъ (э кемъ = отецъ),

ай манъ - шешемъ (айманъ = съ луной, шешемъ = мать),

кыркымъ - таукъ (кыркымъ = кудахтать, таукъ = курица),

карма (га) нъ - таукъ (кармаганъ = хватать, таукъ = курица),

туюнъ - туюнъ (туюнъ = узель),

туюнденъ - калганъ (туюнденъ = отъ узла, калганъ = остался),

биръ - баласы (= его единственный ребенокъ),

беленгъ - кошкаръ (беленгъ (?) = заблудившійся (?), кошкаръ = баранъ),

белtringъ - тартъ (= прочь твои ноги),

дженюнгъ - мененъ (= какъ по твоему),

при этомъ трое дѣтей сидятъ въ кругу и упираются другъ въ друга ногами, — отсюда „прочь твои ноги“.

Привожу маленькую прибаутку, которую говорятъ, считая по пальцамъ, аналогично тому, какъ это дѣлается у насъ:

Большой палець сказалъ: „Убьемъ Бога“.

Указательный отвѣтилъ: „Хорошо, сдѣлаемъ это“.

Средній спросилъ: „Зачѣмъ?“

Безымянный согласился: „Да, это можно сдѣлать“.

А мизинець это исполнилъ: „Дай сюда Бога, что тутъ особеннаго? дай голову, ляжки, ноги, а волосы мы сожжемъ“ (въ подражаніе закалыванію овцы).

Кто проигрываетъ при шуточныхъ играхъ или пари, того дразнятъ и подвергаютъ разнымъ шутивнымъ наказаніямъ; такъ, напр., проигравшій долженъ принести золы, положить подъ нее бабку, затѣмъ сдуть золу и поднять бабку губами; при этомъ, конечно, лицо оказывается въ сажѣ. Эта шутка напоминаетъ игру среди молодежи, о которой говоритъ Радловъ.

Привожу еще нѣкоторыя загадки, пословицы и поговорки.

Пословицы и поговорки:

„баламъ саганъ айтамынъ келинимъ сенъ тынгнада“
 мой сынъ тебѣ я говорю моя невѣстка ты только послушай
 (=мой сынъ, тебѣ я говорю, моя невѣстка ты послушай).

Значеніе: Свекоръ не долженъ дѣлать невѣсткѣ выговора прямо, онъ дѣлаетъ его, слѣдовательно, сыну, но имѣетъ въ виду его жену и желаетъ, чтобы эта послѣдняя его поняла. Также точно онъ говоритъ, напр., своему сыну, что ему не понравилось въ гостяхъ, пріѣхавшихъ къ нему, но прибавляетъ приведенную поговорку, чѣмъ даетъ понять сыну, что сказанное относится къ нему.

„патшангъ согуръ болса биръ кѣзюнгди кабысь етъ“
 твой царь слѣпой если есть одинъ глазъ закрывая дѣлай
 (=если твой царь слѣпъ, и ты закрой одинъ глазъ).

Значеніе: Не нужно казаться лучше, чѣмъ твой начальникъ.

„кѣмнингъ джеринъ джерлесенгъ сонингъ джырынъ“
 чей землю ты живешь того пѣсно
 джырласангъ.
 долженъ ты пѣть.

(=на чьей землѣ живешь, того пѣсно поешь).

По значенію аналогично нашей пословицѣ: Въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не суйся.

„Если собака упадетъ одинъ разъ, она должна упасть еще три раза“ — по значенію аналогично нашей: Пришла бѣда, отворяй ворота.

„Лѣтомъ раскрывайся, зимою съезживайся“ — аналогично нашей: Всякому овощу свое время; употребляется также въ значеніи: Не откладывай назавтра того, что можешь сдѣлать сегодня.

„Наработаешь съ гору, а получишь зерно“ — употребляется въ значеніи: Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

„Лѣнтяй самъ отказывается отъ Бога“ — значеніе: Каждый самъ своему счастью кузнецъ.

„У кого ничего нѣтъ въ головѣ, у того ногамъ некогда отдыхать“.

„Не надувайся, какъ колбаса, лопнешь“ или „Не наполняйся водою, перебѣжишь“ — т.-е. не зазнавайся въ счастья. Утѣшеніе для того, кто испыталъ на себѣ превратности судьбы.

„Теленокъ, который играетъ, попадаетъ въ огонь“ — по значенію аналогично нашей поговоркѣ: Съ жиру бѣсится.

Загадки:

Тянуть за веревку, и встаетъ гора (Верблюдь).

Днемъ оно имѣетъ чистое лицо, а ночью морщинистое. (Небо).

Въ ребенкѣ лежитъ мать. (Арбузь).

Отецъ поднимаетъ ребенка, а ребенокъ шапку. (Кибитка: кереге поддерживаетъ унины, а унины — тангаракъ).

Кушаетъ и пьетъ и потомъ отправляется въ свою нору *).

(Ножъ въ ножнахъ).

Бѣлая кибитка безъ оконъ и дверей. (Яйцо).

*) „ишеръ джеръ ишине киреръ“.
онъ пьетъ кушаетъ въ свою нору онъ входить.

Двѣнадцать лебедей приносятъ каждый по тридцати овецъ, изъ которыхъ половина черныхъ, половина бѣлыхъ. (Годъ).

Двѣ въ одно время родившіяся овцы безъ костей. (Женскія груди).

Привожу еще нѣкоторыя народныя объясненія изъ области астрономіи:

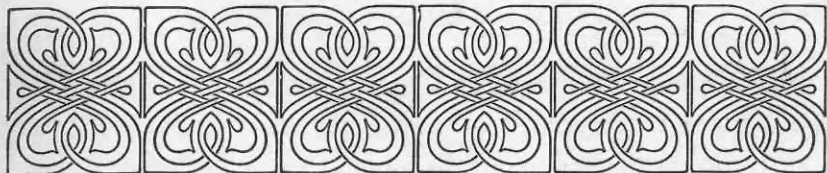
Объясненіе вида луны: Солнце и мѣсяць спорили о томъ, кто изъ нихъ красивѣе и свѣтлѣе; тогда солнце расцарапало мѣсяцу лицо и убѣжало.

Большая Медвѣдица объясняется слѣдующимъ образомъ: Семь воровъ похитили дочь царя на полярной звѣздѣ; лошади царя (звѣзды Малой Медвѣдицы) привязаны; поэтому царь не можетъ пойти, чтобы освободить свою дочь.

По млечному пути птицы улетаютъ въ Мекку.

Пѣтухъ поетъ, когда другой поетъ на небѣ, онъ держитъ криво голову кверху и прислушивается.

ГЛАВА V.

Свадьба и бракъ.

О семейныхъ нравахъ и свадебныхъ обычаяхъ писали Палласъ, Радловъ, Шварцъ, Лансдель и другіе. На Мангышлакъ мнѣ пришлось, однако, натолкнуться на нѣкоторыя коренныя особенности и видоизмѣненія.

Въ сватовствѣ инициаторомъ является отецъ жениха; оно совершается при помощи посредника, и къ нему приступаютъ очень рано, иногда уже на первомъ году жизни мальчика, чаще же между третьимъ и восьмымъ годомъ. При выборѣ невѣсты не столько руководствуются подходящимъ возрастомъ—разница можетъ быть какъ съ той, такъ и съ другой стороны лѣтъ на шесть и больше—какъ богатствомъ и положеніемъ отца невѣсты; при этомъ богатства ищутъ не въ смыслѣ хорошей партіи для улучшенія собственнаго состоянія, а въ видахъ равенства обѣихъ сторонъ. Дѣло въ томъ, что отецъ жениха долженъ уплатить отцу невѣсты калымъ, размѣры котораго опредѣляются соотвѣтственно состоянію,

такъ что болѣе богатый платитъ больше; онъ, правда, въ свою очередь получаетъ отъ отца невьсты подношеніе, размѣры котораго также соотвѣтствуютъ состоянію послѣдняго, но оно всегда ниже калыма, такъ что женихъ имъ не обогащается. Я говорю объ общемъ правилѣ; бываетъ, однако, хотя и рѣдко, что бѣдность не принимается въ расчетъ, когда на лицо хорошее происхожденіе, т.-е. что глава обѣднѣвшей, но удержавшей свое хорошее имя, семьи сватаетъ дочь богатаго и получаетъ согласіе, платитъ, слѣдовательно, очень небольшой калымъ, соотвѣтственно своему состоянію. Но, повторяю, это случается рѣдко; въ большинствѣ случаевъ богатый держится богатаго, т. к. за большой калымъ нужно также много получить, бѣдный же остается при бѣдномъ, т. к. бѣднякъ не можетъ заплатить богатому большого калыма.

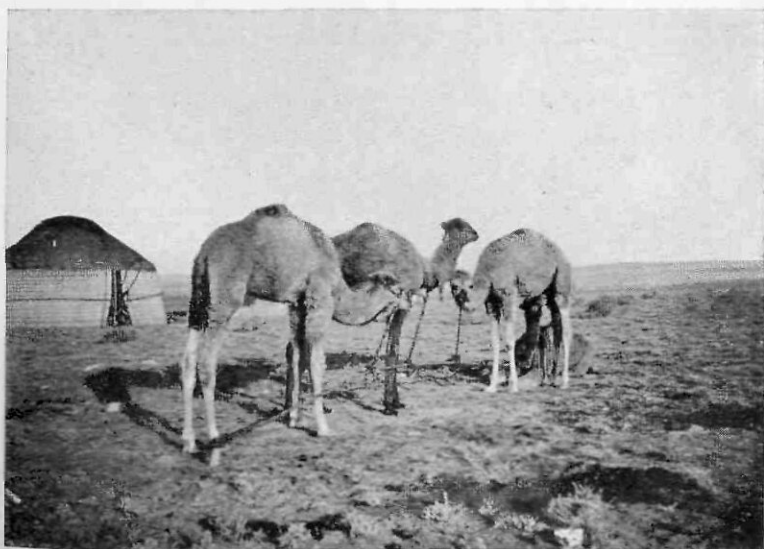
Извѣстное ограниченіе сватовство встрѣчаетъ также въ кровномъ родствѣ, т. к. по древнему обычаю запрещается брать жену изъ того-же рода. Роды же очень расширились и охватываютъ теперь десять поколѣній, т.-е. всѣ киргизы Мангышлака происходятъ отъ одного человѣка, по имени Адай, пришедшаго съ сѣвера, изъ Уральской области. У него было два сына, Кудайке и Келембеде. Отъ послѣдняго происходилъ, наприм., мой проводникъ Оразъ; онъ могъ взять себѣ жену, слѣдовательно, только изъ семьи происходившей отъ старшаго сына Адая. Имя Адай привело меня, замѣчу здѣсь кстати, къ предположенію, что тутъ замѣшана какая-нибудь легенда, связанная съ именемъ Адама, но меня увѣрили, что я имѣю дѣло съ истинной семейной традиціей.

Киргизы умѣютъ хорошо отличать традиціи отъ предписаній корана. Послѣдній лишь въ общихъ чертахъ запрещаетъ браки между кровными родственниками, а такъ какъ въ правовой жизни руководствуются кораномъ, и нарушеніе

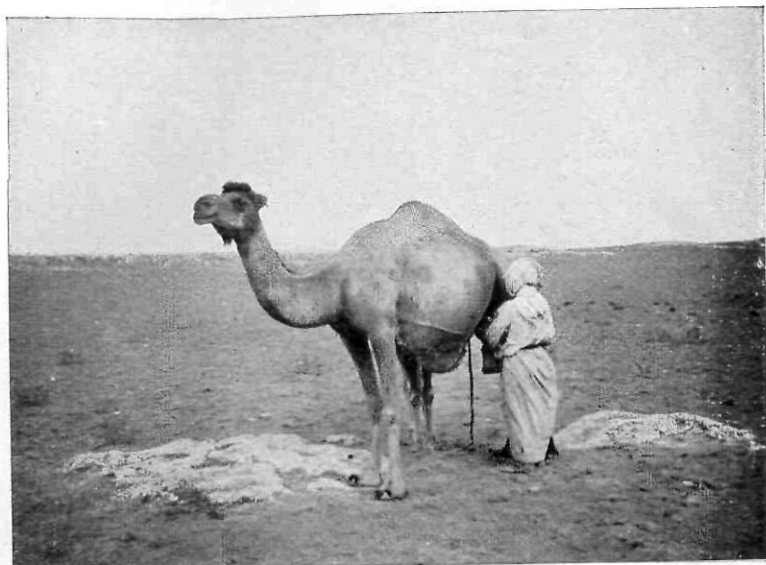

Козы, привязанные для доения.

Молодые верблюды на привязи.

Доеніе верблюдовъ у киргизовъ.

Доеніе кобыль у киргизовъ.

традиціоннаго обычая, идущаго въ данномъ случаѣ дальше корана, не наказуется, то отъ него уже начинаютъ эмансипироваться.

Итакъ, отецъ жениха посылаетъ свата къ отцу неvěсты, поручаетъ ему предложить извѣстный „калымъ“, состоящій изъ денегъ, скота, ковровъ и халатовъ, сообразуясь съ размѣрами „кіта“, который намѣренъ дать отецъ неvěсты. И съ той и съ другой стороны стараются прійти къ соглашенію, но бываетъ, что отецъ жениха довѣряетъ честности отца неvěсты и предлагаетъ свой калымъ, не спрашивая о размѣрахъ кіта. Въ этихъ случаяхъ отецъ жениха долженъ, само собою, удовлетвориться тѣмъ, что дадутъ, и не можетъ протестовать, если даръ обманетъ его ожиданія. Изъ всего этого видно, что, собственно, о куплѣ неvěсты у киргизовъ не можетъ быть и рѣчи, разъ обѣ стороны платятъ; и та и другая сторона покрываютъ, такимъ образомъ, лишь расходы по содержанію дѣтей до ихъ женитьбы и ту потерю, которую они несутъ, лишаясь въ нихъ работниковъ послѣ ихъ женитьбы; этимъ же кладется и основаніе будущему приданому, изъ котораго, впрочемъ, благодаря патріархальной системѣ семьи, дѣти получаютъ ту долю, какую отцу заблагодаря судится дать имъ.

Что жениху приходится платить больше, чѣмъ онъ получаетъ въ свою очередь, объясняется тѣмъ, что дѣвушка оставляетъ аулъ отца, чѣмъ хозяйство его лишается рабочей силы, тогда какъ молодой мужъ остается при отцѣ. Понятно, что на мой вопросъ, что лучше имѣть, мальчиковъ или дѣвочекъ, мнѣ отвѣчали „мальчиковъ“, несмотря на то, что дѣвочки приносятъ имъ большой калымъ. У туркменовъ есть пословица: „лучше бросить дѣвочку въ море, чѣмъ кормить ее“.

Киргизскій свадебный церемоніаль требуетъ семь свадебъ, т. е. семь стадій цѣлаго ряда очень обстоятельныхъ фор-

мальностей. Каждая стадія сопровождается своими празднествами и называется свадьбой, хотя многіе среди киргизовъ отлично сознають, что такое названіе, собственно, непримѣнимо. Свадьбы празднуются по очереди у родителей обѣихъ сторонъ; первая, четвертая и шестая въ аулѣ невѣсты, вторая, третья, пятая и седьмая въ аулѣ жениха. Какъ только придуть къ соглашенію относительно калыма и кѣнта, то приступаютъ къ первой свадьбѣ. Офіціальный представитель жениха, по большей части взрослый братъ, дядя или двоюродный братъ, въ исключительныхъ случаяхъ — отецъ, отправляется верхомъ съ нѣсколькими родственниками къ аулу дѣвочки, куда уже приглашены ближайшіе друзья дома, и тамъ его угощаютъ въ спеціальной, поставленной для представителей жениха кибиткѣ, отдѣльно отъ другихъ гостей. Въ кибиткѣ, непосредственно за порогомъ, женщины предварительно выкопали плоскую яму и покрыли ее войлокомъ. Какъ только прїѣзжіе входятъ въ кибитку, они спотыкаются и падаютъ въ яму; въ то же мгновеніе женщины, размѣстившіяся по сторонамъ двери, набрасываются на нихъ и вымазываютъ имъ лицо мукой. Всеобщее ликованіе награждаетъ эту шутку. Мужчины вытираютъ лицо и садятся на почетное мѣсто у стѣны кибитки противъ двери. Начинается веселье: ѣдятъ, пьютъ, поютъ, играютъ и шутятъ; при шуткахъ особенно отличаются женщины: однѣ кидаютъ въ мужчинъ хлѣбцы, орѣхи и т. п. въ то время, какъ другія возятся около гостей, дѣлаютъ видъ, что копаются въ ящикахъ, наставленныхъ другъ на друга вдоль стѣнъ, или возятся съ кошмами, или же заматываютъ войлочный пологъ кибитки, чтобы дать доступъ свѣжему воздуху, — на самомъ же дѣлѣ халаты мужчинъ оказываются пришитыми другъ къ другу или къ рѣшеткамъ кибитки. Снова ликованіе, когда мужчины хотятъ подняться и замѣчаютъ продѣлку. Они просятъ женщинъ

освободить ихъ — самимъ это сдѣлать не позволяетъ обычай — и должны дать за себя выкупъ (халатами, матеріями, или деньгами). Послѣ угощенія гости постепенно расходятся, остаются только послы жениха: ихъ одариваютъ, причѣмъ степень родства играетъ роль въ большей или меньшей цѣнности подарка; затѣмъ вручаютъ имъ условленный при первыхъ переговорахъ кѣтъ за — неполученный еще — калымъ. Сдѣлавъ съ своей стороны приглашеніе хозяевамъ, посланные жениха отправляются домой.

Послѣ этой свадьбы ждутъ, чтобы дѣти выросли. Если дѣвочка тѣмъ временемъ умретъ, то калымъ *долженъ быть возвращенъ. Когда по мнѣнію отца дѣвочка уже созрѣла достаточно, онъ посылаетъ къ семьѣ жениха спросить, согласна ли она отпраздновать свадьбу, и условиться о подаркѣ, который женихъ при своемъ первомъ посѣщеніи привезетъ своей невѣстѣ. Большею частью относительно этого подарка, называемаго „каде“, уславливаются заранѣе для того, чтобы избѣжать недоразумѣній. Дома жениху устраивается прощальное празднество (третья свадьба), послѣ котораго онъ, одѣтый въ праздничное платье, на лучшей своей лошади, украшенной новой сбруей (таб. 23), и въ сопровожденіи одного или двухъ друзей или родственниковъ отправляется, захвативъ каде, въ ауль невѣсты, въ которомъ празднуется затѣмъ „четвертая свадьба“. Всѣ приготовленія къ этой свадьбѣ особенно сложны. Задолго уже рассылаются многочисленныя приглашенія, берутся займы кибитки для размѣщенія гостей, распредѣляются лошадиныя скачки и жертвуются призы для нихъ, дѣлаются покупки, приготовляются къ праздничному жаркому бараны и т. д. Уже наканунѣ празднества являются ближайшіе родственники, разставляютъ свои кибитки и помогаютъ семьѣ въ приготовленіяхъ. На утро со всѣхъ сторонъ стекаются большими

группами приглашенные, и скоро пестрое оживленіе наполняетъ ауль. Тутъ со спутанными передними ногами, въ праздничныхъ уборахъ, тѣснится съ сотню лошадей; гости разсматриваютъ новыя войлочные попоны, вышитыя кожаныя подушки, сѣдла, украшенныя рѣзбой и костяной инкрустаціей. Тамъ длиннымъ рядомъ растянулись костры изъ верблюжьяго навоза, и надъ ними кипятъ большіе желѣзные котлы, а поблизости, въ пустой кибиткѣ, нарѣзаютъ уже порціями готовое мясо, — дѣло довольно сложное, такъ какъ куски рѣжутся и распредѣляются соотвѣтственно рангу и возрасту гостей и ѣдятся изъ общихъ чашекъ. Кто либо изъ опытныхъ родственниковъ беретъ, поэтому, на себя эту щекотливую обязанность, и подъ его присмотромъ чашки разносятся (таб. 22). Между кибитками царитъ оживленіе, всѣ ходятъ отъ одной кибитки къ другой, привѣтствуютъ другъ друга, сообщаютъ послѣднія новости, обсуждаютъ предстоящія скачки, держатъ пари, уславливаются относительно борьбы и т. п. Каждый вновь прибывающій гость встрѣчается торжественно, его ведутъ къ кибиткамъ, гдѣ его ждетъ веселье, смѣхъ и шутки, пѣнье и музыка, прохладительный кумысъ и несмѣтное количество чаю; снаружи же въ это время кибитку обступаетъ любопытная толпа (таб. 22).

Женихъ во всемъ этомъ не принимаетъ никакого участія; онъ долженъ остановиться въ верстѣ приблизительно отъ аула и послать сопровождающаго его друга или родственника въ ауль извѣстить о своемъ прибытіи; онъ же, одинъ или, если его сопровождало нѣсколько человекъ, то въ обществѣ остальныхъ путниковъ, остается ждать подъ прикрытіемъ холма, или въ ложбинѣ, или въ какомъ либо другомъ укромномъ мѣстѣ, пока не возвратится посланный. Этого послѣдняго тѣмъ временемъ встрѣчаютъ въ аулѣ,

какъ и прочихъ гостей, ведутъ въ кибитку и угощаютъ, а толпа женщинъ и дѣвушекъ спѣшитъ къ мѣсту, гдѣ укрылся женихъ; при ихъ приближеніи женихъ встаетъ и молча привѣтствуетъ ихъ, какъ при молитвѣ, троекратнымъ низкимъ наклоненіемъ головы: женщины предлагаютъ выстроить ему за подарокъ палатку; женихъ отсылаетъ ихъ къ своему другу, женщины бѣгутъ къ его кибиткѣ, получаютъ отъ него подарокъ, называемый шадыръ-бейгесси (=палатки — призъ на скачкахъ, въ данномъ случаѣ подарокъ за палатку) и сооружаютъ изъ палокъ и войлока палатку, а иногда и цѣлую кибитку, въ которой женихъ долженъ провести слѣдующіе двадцать четыре часа. Онъ какъ бы узникъ женщинъ, которыя держатъ его въ отдаленіи отъ аула и отъ невѣсты и поддразниваютъ его всякими остротами и насмѣшками; но въ то же время онѣ заботятся о немъ, носятъ ему кушанья и держатъ въ теплѣ чайный котель (таб. 23).

Какъ и женихъ, невѣста также остается въ сторонѣ отъ праздника. Какъ только она узнаетъ, что ея будущій мужъ находится вблизи ея аула, она тихо садится у стѣны кибитки, закрываетъ свое лицо и изображаетъ стыдъ, печаль и боязнь. Вокругъ нея собираются подруги и утѣшаютъ ее. Это утѣшеніе необходимо ей особенно въ тотъ моментъ, когда начинаютъ рѣзать барановъ, о чемъ официально извѣщаютъ невѣсту маленькія дѣвочки, — тогда всѣ начинаютъ громко плакать и вопить. Представитель жениха раздаетъ всѣмъ, кто принимаетъ участіе въ рѣзаніи барановъ и приготовленіи мяса, подарки.

Послѣ обѣда наступаетъ главный моментъ всего праздника: скачки. Условливаются относительно длины бѣговой дороги, которую опредѣляютъ въ десять, иногда даже въ двадцать и двадцать пять верстъ. Наѣзтники, по большей

части мальчишки и юноши, отправляются къ старту, у цѣли собирается все свадебное общество — почетные гости по-старше въ арбѣ, остальные верхомъ — и всѣ ждутъ начала скачекъ (таб. 24). Вдали подымается облако пыли: „Ѣдутъ, Ѣдутъ“ — все тѣснится къ бѣговой дорогѣ, скачетъ галопомъ, несется рядомъ, подстрекаетъ наѣзтниковъ, оттѣсняетъ тѣхъ, кому не симпатизируетъ. Друзья лошади, идущей впереди, бросаютъ наѣзнику веревку и помогаютъ ему такимъ образомъ своими свѣжими лошадьми одержать побѣду (таб. 24). Побѣдителя ждетъ награда въ нѣсколько десятковъ рублей. За главными скачками слѣдуютъ другія скачки на лошадяхъ, примѣрные бои, подниманіе на семь скаку съ земли платка, борьба и т. п. Когда зрѣлища кончены, всѣ направляются обратно въ ауль, собираются вокругъ кибитки невесты; кошмы, покрывающія кибитку, заворачиваются на верхъ, такъ что черезъ рѣшетки видна съ покрытымъ лицомъ, въ кругу своихъ подругъ, невеста; невестѣ и ея семьѣ поются импровизированныя хвалебныя пѣсни. Мать невесты награждаетъ пѣвцовъ подарками.

Для стариковъ на этомъ празднество заканчивается, они отправляются домой; молодые же люди вмѣстѣ съ дѣвушками остаются еще и начинаютъ готовиться къ слѣдующему моменту празднества — борьбѣ. Вечеръ этой свадьбы невеста должна провести въ кибиткѣ какой нибудь дружественной семьи, которая получаетъ за это отъ жениха, вѣрнѣе отъ его представителя (женихъ все еще остается въ своей палаткѣ) извѣстную плату и должна взять на себя дальнѣйшее празднованіе. Хозяинъ кибитки посылаетъ свою жену къ невестѣ и проситъ послѣднюю прійти въ его кибитку. Невеста отказывается. На многократныя просьбы невеста отвѣчаетъ тѣмъ же. Приглашающая обращается къ подругамъ невесты съ просьбою привести къ ней не-

вѣсту, но получаетъ тотъ же отказъ. Тогда она приводитъ себѣ на помощь другихъ женщинъ, и онѣ стараются вырвать у подругъ невѣсту. Начинается жестокая борьба, защитники невѣсты одной рукою хватаются за рѣшетки кибитки, которыя при этомъ нерѣдко ломаются, другою рукою держатся другъ за друга, образуя какъ бы стѣнку передъ испуганной, сильно помятой невѣстой; противники хватаютъ невѣсту за руки и плечи и стараются тянуть ее впередъ. Этотъ моментъ борьбы заканчивается побѣдою партіи невѣсты. Но побѣжденные не должны на этомъ успокоиться, т. к. женщина, предводительствующая ими, получила уже отъ жениха деньги на угощеніе невѣсты и должна во что бы то ни стало исполнить возложенную на нее миссію. Она отправляется за подкрѣпленіемъ; на этотъ разъ она призываетъ мужчинъ, которымъ обѣщаетъ подарки (ихъ возмѣщаетъ потомъ представитель жениха) и соединенными силами борьба снова возгорается; если партія невѣсты съ своей стороны призываетъ на помощь мужчинъ, борьба продолжается дольше, но, наконецъ, заканчивается пораженіемъ партіи невѣсты. Одна подруга невѣсты за другою вытаскиваются изъ кибитки, а невѣсту, которая кричитъ и защищается, заворачиваютъ въ коверъ и при громкомъ ликованіи несутъ въ кибитку, гдѣ она должна провести вечеръ. Здѣсь весело пируютъ, поютъ, играютъ, ѣдятъ и пьютъ, а невѣста одна только сидитъ при этомъ молча. Въ двѣнадцать часовъ ночи невѣста возвращается въ кибитку отца, гдѣ въ первый разъ должна привѣтствовать своего жениха; но она сопротивляется снова, и борьба опять начинается, съ тою только разницею, что теперь на ея сторонѣ семья, у которой она провела вечеръ и которая раньше была противъ нея; эта семья не можетъ допустить, чтобы изъ ея кибитки похитили гостя, который находится всегда подъ полною защитою хозяина дома. Какъ

и въ первый разъ, обѣ партіи набираютъ союзниковъ, и борьба, какъ и раньше, заканчивается тѣмъ, что отбивающуюся невѣсту завертываютъ въ коверъ и уносятъ. На полпути процессію встрѣчаютъ снова противники, но отъ нихъ откупаются подарками, и невѣсту доставляютъ благополучно въ кибитку отца. Здѣсь ее оставляютъ одну, т. е. кибитку, имѣющую только одно общее помѣщеніе, въ которомъ спятъ и родители, разгораживаютъ пологомъ, протянутымъ отъ стѣны къ стѣнѣ, такъ что отдѣляется уголь, въ которомъ происходитъ первая встрѣча молодыхъ. Одна изъ родственницъ невѣсты беретъ на себя роль посредницы, она освобождаетъ жениха изъ его убѣжища и приводитъ его къ наружной сторонѣ кибитки, гдѣ онъ долженъ ждать; сама же посредница заходитъ въ кибитку, беретъ руку невѣсты и черезъ рѣшетку кладетъ ее въ руку ожидающаго снаружи жениха. Только послѣ этого она вводитъ жениха въ кибитку, причемъ на пути его еще перехватываютъ и задерживаютъ другія женщины, отъ которыхъ онъ откупается подарками; въ кибиткѣ она представляетъ его невѣстѣ со словами: „вотъ твой женихъ, Богъ и твои родители хотѣли его, можете теперь поговорить другъ съ другомъ“, послѣ чего получаетъ въ свою очередь подарокъ и оставляетъ молодыхъ людей однихъ. Передъ кибиткой она останавливается, чтобы подслушать, какъ ведетъ себя дѣвушка, дѣлаетъ ей выговоръ, если находитъ, что невѣста недостаточно привѣтлива съ женихомъ, и уходитъ только тогда, когда сама дѣвушка ее отсылаетъ, — знакъ, что молодые столковались. По обычаю старины въ этой стадіи свадебнаго церемоніала болѣе интимное сближеніе между молсдыми не должно имѣть мѣсто.

Еще до наступленія дня женихъ долженъ снова возвратиться въ свою палатку и оставаться тамъ слѣдующіе

Гуркменка за трепаніємъ шерсти.

Изготовленіе войлока у киргизовъ.

двадцать четыре часа. Случается, что невеста посѣщаетъ его ночью, но это бываетъ рѣдко. На третій день рано утромъ онъ прощается съ женщинами и дѣвушками, которыя окружали его; при этомъ въ ходъ пускаются опять шутки, женщины удерживаютъ его, стараются стянуть съ лошади, сопровождающій его другъ долженъ выкупить его подарками, а затѣмъ онъ ѣдетъ домой.

Все слѣдующее за этимъ время женихъ употребляетъ на то, чтобы готовить подарки — халаты, овецъ и т. п. — для родителей своей невесты; онъ можетъ посѣщать дѣвушку, не ища, однако, съ нею сближенія, какъ этого требуетъ старинный обычай. Затѣмъ наступаетъ „пятая свадьба“, которая празднуется въ его аулѣ и похожа на третью, съ тою только разницею, что расходы на этотъ разъ несутъ родственники. Непосредственно за нею слѣдуетъ „шестая свадьба“, которая сходна съ четвертою. Приглашенія и угощенія происходятъ въ томъ же порядкѣ, при чемъ ставится еще совершенно новая кибитка для невесты. Женихъ отвозитъ свои подарки въ аулъ невесты и снова долженъ ожидать въ своемъ убѣжищѣ. Невѣсту послѣ жестокой борьбы снова относятъ въ кибитку дружественной семьи, гдѣ она уже провела вечеръ четвертой свадьбы; тамъ молодежь веселится, поетъ и продѣлываетъ разныя веселыя шутки. Къ двѣнадцати часамъ ночи здѣсь собираются всѣ родственники, кромѣ жениха и родителей невесты, и тогда посылаются за муллою, который беретъ теперь на себя офиціально дальнѣйшее веденіе дѣла. Послѣ короткой комедіи, состоящей въ томъ, что другъ жениха разыгрываетъ его отца, а другой кто либо отца невесты, и между ними происходятъ переговоры относительно калыма, какъ если бы все дѣло со сватовствомъ начиналось сызнова — мулла посылаетъ ихъ обоихъ въ сопровожденіи двухъ свидѣтелей къ невестѣ, ко-

торая сидить у стѣны въ той же кибиткѣ, и велить спросить ее, желаетъ ли она выйти замужъ за назначеннаго ей жениха. Послѣ нѣкотораго притворства она отвѣчаетъ утвердительно или молчить, что также равносильно согласію, а подруга отвѣчаетъ за нее. Получивъ согласіе, посланные отправляются къ жениху, который тѣмъ временемъ оставилъ свое убѣжище и ожидаетъ передъ кибиткой, задаютъ ему тотъ же вопросъ, на который, понятно, получаютъ тотчасъ же утвердительный отвѣтъ, и приносятъ отвѣтъ муллѣ. Послѣдній велить спросить у жениха, сколько тотъ даетъ ему за вѣнчаніе, и послѣ длиннаго торга, за пять или десять рублей, смотря по состоянію невѣсты, изъявляетъ согласіе поженить молодую пару. Передъ муллою ставится закрытая чаша съ водою, онъ произноситъ благословеніе и отпиваетъ немного воды, которую затѣмъ подносятъ невѣстѣ и послѣ того, какъ та отпиваетъ глотокъ, передаютъ жениху; послѣдній также отпиваетъ, чаша относится въ кибитку и обносится всѣмъ приглашеннымъ, начиная со старшаго. Послѣ этого мулла и прочіе мужчины оставляютъ кибитку, женихъ возвращается въ свое убѣжище, женщины и дѣвушки снова устраиваютъ сраженіе, которое оканчивается пораженіемъ невѣсты и водвореніемъ ея въ кибиткѣ отца. Тутъ снова выступаетъ на сцену женщина, сыгравшая при первомъ привѣтствіи молодой пары роль посредницы. Со своими помощницами она отводитъ жениха и невѣсту въ новую кибитку, желаетъ имъ счастья и предоставляетъ; наконецъ, молодую чету другъ другу. Не обходится, конечно, безъ того, чтобы женщины не остались еще немного на дворѣ, чтобы подслушать черезъ откровенную стѣнку кибитки молодое счастье, но мѣшать новобрачнымъ уже больше не разрѣшается. Прежде на обязанности женщинъ лежало разслѣдовать ложе съ цѣлью убѣдиться въ безпорочіи невѣсты

и доставить доказательства родителямъ, чтобы поздравить ихъ съ отличною дочерью; если же изслѣдованіе давало отрицательные результаты, то дѣло не обходилось безъ скандала; но въ общемъ это случалось рѣдко, т. к. прибѣгали въ крайнихъ случаяхъ къ овечьей крови. Въ нынѣшнія времена нравы далеко не такъ строги; сношенія до брака не такъ ужъ рѣдки; если эти сношенія ведутъ къ послѣдствіямъ, то родственницы провинившейся, часто съ согласія матери, но безъ вѣдома отца, устраиваютъ, съ помощью или безъ помощи знахаря, абортъ. Хорошимъ пріемомъ считается при этомъ давить или бить по животу беременной.

На утро послѣ брачной ночи отецъ неvěсты въ первый разъ видитъ офиціально жениха; онъ призываетъ молодыхъ въ свою кибитку, благословляетъ ихъ и угощаетъ. Дня черезъ два молодые отправляются верхомъ вмѣстѣ съ матерью новобрачной, захвативъ новую кибитку и приданое, въ ауль жениха; тамъ празднуется „седьмая свадьба“, такая же, какъ и прежнія, съ угощеніемъ, играми и скачками, но само собою уже безъ всякой борьбы и похищеній неvěсты. Молодая носитъ при этомъ высокую, вышитую и украшенную серебромъ бархатную шапку—сеукеле *)—(рис. 17). Показывается и критикуется приданое, отецъ молодого благодаритъ мать новобрачной и одариваетъ всѣхъ родственниковъ, которые съ своей стороны жертвовали что нибудь для праздника; затѣмъ всѣ расходятся. Приданое остается въ собственность тестя, который даетъ по своему усмотрѣнію все необходимое для новаго хозяйства.

Въ описанныхъ обычаяхъ перемѣшаны, конечно, старинные нравы съ новыми шуточными добавленіями, несомнѣнные остатки прежнихъ дѣйствительныхъ похищеній неvěсты

*) Перев.

Рис. 17.
Киргизская сеукеле —
шапка новобрачной.

съ компромиссами болѣе мирнаго времени, требованія патриархальной строгости съ уступками, допускаемыми болѣе легкими нравами. Невѣста далеко не такъ несвободна, какъ это кажется, судя по свадебному церемониалу, и какъ это въ старину дѣйствительно и было. Хотя она и сидѣла, закутанная въ покрывало и безучастная въ своей кибиткѣ, хотя ее и тянули въ борьбѣ въ разныя стороны и уносили, какъ добычу, въ коврѣ, хотя переговоры велись съ однимъ женихомъ, котораго она раньше не должна была видѣть, но тѣмъ не менѣе у нея подѣ конецъ мулла все таки спрашивалъ, согласна ли она на этотъ бракъ. Конечно, въ этотъ моментъ ея согласіе— лишь внѣшняя форма, но не вѣста всегда имѣетъ возможность до начала церемоній отказать отъ жениха, если она его не любитъ и хочетъ другого въ мужа. Хорошія друзья улаживаютъ всякія тренія между обѣими сторонами и помогаютъ устранить главное затрудненіе—денежный вопросъ. Если невѣста отказывается пе-

редь четвертою свадьбой, то отцу ея приходится вернуть полученный за нее калымъ въ двойномъ размѣрѣ; если же это случается позже, то онъ возвращаетъ только то, что получилъ. Въ мое пребываніе среди киргизовъ, невѣста однажды отказалась отъ своего жениха потому, что послѣдній вступилъ въ интимныя отношенія съ другими женщинами,—шагъ, доказывающій, несомнѣнно, извѣстную самостоятельность. За женщиной признается въ настоящее время также и право на разводъ. Мужское безсиліе, измѣна и плохое обращеніе являются достаточнымъ къ разводу поводомъ. Для развода составляется соотвѣтствующій актъ: его подписываетъ сначала мужъ, потомъ мулла и представитель русской власти, киргизскій окружный начальникъ. Жена не подписываетъ разводнаго акта — ни сама, ни черезъ своего уполномоченнаго — такъ далеко не заходитъ признаніе за женщиной самостоятельности. Разведенная жена возвращается къ своимъ родителямъ или снова выходитъ замужъ; второй бракъ не сопровождается свадьбой, ограничиваются лишь благословеніемъ муллы. Дѣти остаются при отцѣ.

Если вступаетъ во второй бракъ вдовецъ, которому больше сорока лѣтъ, то послѣ переговоровъ о калымѣ и состоявшагося соглашенія слѣдуетъ церемонія благословенія муллой новобрачныхъ; если вдовецъ не достигъ указаннаго возраста, то иногда повторяется весь свадебный церемоніаль, какъ и при его первой женитьбѣ. Когда умираетъ мужъ, его вдова — прежде это было правиломъ—переселяется къ брату покойнаго и часто выходитъ за него замужъ; иногда же она вступаетъ въ новый бракъ съ постороннимъ. Трауръ продолжается отъ полугода до года. Траурная одежда выражается лишь въ измѣненной повязкѣ головного платка.

По смерти отца ему наследуютъ тѣ сыновья, которые еще не женаты и продолжали жить при немъ; если же всѣ

сыновья уже отдѣлились отъ отца, то наследуетъ младшій изъ сыновей,—въ этомъ случаѣ онъ долженъ снова возвратиться въ кибитку отца. Старшіе женатые сыновья еще при жизни отца получаютъ свою долю и не должны предъявлять никакихъ правъ на состояніе отца.

Киргизамъ разрѣшается имѣть до пяти женъ, но въ настоящее время полигамія падаетъ: въ половинѣ случаевъ ограничиваются одною женою, въ остальныхъ большею частью двумя; туркмены же почти всегда придерживаются моногаміи, и лишь въ исключительныхъ случаяхъ имѣютъ до трехъ женъ. Главное мѣсто занимала прежде первая жена, теперь же его можетъ занять и младшая. Если первая жена стара и бездѣтна, то случается, что она сама выбираетъ для своего мужа вторую, молодую жену, чтобы имѣть въ хозяйствѣ помощницу, а въ кибиткѣ — дѣтей. Въ этихъ случаяхъ согласіе въ семьѣ не нарушается. Если же мужъ при еще молодой женѣ беретъ себѣ вторую, то дѣло не обходится безъ ревности и ссоръ.

Жены, по возможности, живутъ вообще въ разныхъ кибиткахъ; иногда же при хорошихъ отношеніяхъ между членами семьи и при достаточно помѣстительной кибиткѣ вся семья живетъ въ общей кибиткѣ. У туркменовъ женитьба старшаго сына не служитъ поводомъ къ раздѣленію, — молодая жена вступаетъ въ семью мужа. Только, когда женится второй сынъ, старшій отдѣляется и ставитъ свою собственную кибитку. Если у отца нѣсколько женъ, то мать женившагося сына переселяется иногда вмѣстѣ съ нимъ.

Среди очень бѣдныхъ киргизовъ бываютъ случаи, что одну кибитку раздѣляютъ нѣсколько семействъ; при обиліи дѣтей у киргизовъ это создаетъ невообразимую тѣсноту, особенно зимою; лѣтомъ большинство предпочитаетъ спать на открытомъ воздухѣ, и ночью вокругъ кибитки можно видѣть

свертки различной величины изъ войлока и ковровъ, которые при ближайшемъ разсмотрѣніи выдають свою истинную натуру. Десять—двѣнадцать дѣтей для женщинъ не рѣдкость. Весь аулъ кишить дѣтьми и полонъ визгу и писку, — и на величавую тишину степи нѣтъ тамъ и намека. Это обиліе подрастающаго поколѣнія даетъ идею о тѣхъ человѣческихъ массахъ, которыя пришли въ движеніе нѣкогда, во времена монгольскихъ нашествій,—дѣтей было и въ тѣ времена, вѣроятно, не меньше: степь, въ которой находятъ дѣтей, какъ у насъ приносить ихъ аистъ, была, конечно, и въ старину такой же безграничной.

Съ числомъ дѣтей растеть и любовь къ нимъ, на нихъ обращается вся нѣжность отца, въ которой отказывается матери. Вообще говоря, мужъ не проявляетъ особой нѣжности къ женѣ, и на мои разспросы объ этомъ мнѣ отвѣчали: „иногда спрашиваешь объ ихъ здоровьѣ“. Но не слѣдуетъ дѣлать изъ такого отвѣта неправильныхъ выводовъ. Одинъ киргизъ спросилъ меня, какъ поступить, если жена не слушается и тутъ же добавилъ: „ее бьютъ“; но тотъ же киргизъ, когда его спросили, кто его идеалъ красоты, отвѣтилъ: „моя жена“. Съ поработченіемъ женщины дѣло обстоитъ далеко еще не такъ плохо, отношенія между супругами далеко еще не отношеніе господина къ рабу; встрѣчаешь браки, основанные на согласіи и взаимномъ уваженіи, видишь женщинъ, принимающихъ участіе въ общей бесѣдѣ, веселыхъ и шаловливыхъ — только при шуткахъ, идущихъ ужъ черезчуръ далеко, онѣ прикрываютъ угломъ платка ротъ и хихикають; часто женщины выступаютъ въ роли хозяйки дома, берутъ, на примѣръ, на себя за отсутствіемъ мужа, какъ мы видѣли, обязанности гостепріимства по отношенію къ гостямъ и т. п.

Я имѣю въ виду всегда современныя условія. Киргизы, безспорно, находятся въ переходной стадіи, старые взгляды

теряютъ свою опредѣленность, строгія правила нравственности смягчаются, національные обычаи растворяются и исчезаютъ. Въ прежнее время женщины при встрѣчѣ со старшими, будь то женщина или мужчина, сгибали въ видѣ привѣтствія колѣна, теперь ограничиваются легкимъ поклономъ со скрещенными у талии руками; но и это привѣтствіе уже не повсюду считается правиломъ, можно видѣть и сердечныя привѣтствія между женщинами, выражающіяся въ легкомъ обниманіи другъ друга за талию.

Въ прежнее время мужчины ѣли отдѣльно, теперь же мужчины и женщины ѣдятъ одновременно, лишь на раздѣльныхъ мѣстахъ, мужчины на одной сторонѣ или въ серединѣ кибитки, женщины на другой сторонѣ или у стѣны. У туркменовъ и до сихъ поръ застольные нравы нѣсколько строже: женщины ихъ сидятъ лицомъ къ стѣнѣ и берутъ какъ бы украдкой то, что имъ протягиваетъ мужъ или то, что отъ послѣднихъ осталось. Ту же позу женщины должны хранить и въ то время, когда онѣ подаютъ чай; такъ что имъ приходится, прокрадываясь изъ-за угла, медленно протягивать руку съ наполненнымъ стаканомъ или брать обратно пустой; въ той же позѣ туркменка остается и тогда, когда принимаетъ участіе въ разговорѣ. У киргизовъ, напротивъ того, разливающая чай Гекуба сидитъ въ своей обычной позѣ стрѣлка или на корточкахъ непосредственно передъ нами у очага, опираясь правымъ локтемъ о колѣно, съ лицомъ, повернутымъ въ нашу сторону, хотя и съ опущеннымъ взоромъ. Во время обѣда онѣ, впрочемъ, также сидятъ въ сторонѣ и ожидаютъ терпѣливо остатковъ. Дочери ѣдятъ всегда отдѣльно.

Какъ не приходится говорить о рабствѣ женщины въ ея супружеской жизни, такъ же точно не можетъ быть рѣчи о роли выючнаго животнаго, когда женщину разсматриваютъ

Кибитка съ трацкимъ станкомъ.

Туркмени по дорогѣ къ водою.

какъ работницу. Здѣсь господствуетъ раздѣленіе труда. Мужъ заботится о стадахъ, жена о домѣ и кухнѣ, заполняя свое свободное время тѣмъ, что прядетъ, ткеть или готовить войлокъ. Если въ результатѣ такого раздѣленія труда вся выгода на сторонѣ мужчины, то причина этому ни въ его злобѣ, ни въ желаніи господствовать, — это лежитъ въ самихъ условіяхъ здѣшняго хозяйства, исключаящихъ для мужчины всѣ тяготы землешца, весь неустанный трудъ ремесленника и всѣ заботы торговца. Новый фазисъ хозяйства внесетъ и въ социальныя условія свои перемѣны.

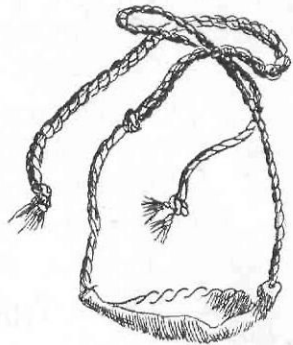

Рис. 18.
Киргизская праща.

